

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

УДК 8.03./8.08.

Махмудова Наргиза

**НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Специальность: 5А ...

Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель:

д.ф.н. Кулмаматов Д.С.

Ташкент - 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	10
1.1. Термины наименований лиц в английском, русском и узбекском.....	10
1.2. Наименования лиц в английском языке.....	12
1.3. Наименования лиц в русском языке.....	17
1.4. Наименования лиц в узбекском языке.....	28
Выводы по первой главе.....	31
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	32
2.1. Признаки наименований лиц в английском, русском и узбекском языках.....	32
2.2. Значения вертикальной линии наименований лиц.....	41
2.3. Значения горизонтальной линии наименований лиц.....	48
Выводы по второй главе.....	55
ГЛАВА 3. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	56
3.1. Классификация имен существительных со значением лиц.....	56
3.2. Семантический анализ имен существительных со значением лиц.....	59
Выводы по третьей главе.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	76

ВВЕДЕНИЕ

В трудах Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова большое внимание уделено изучению языков как одному из направлений развития духовной сферы общества и воспитания молодого поколения: «Ещё одна наша важнейшая задача – содействовать развитию языка, культуры, обычаев и традиций всех проживающих в Узбекистане наций и народностей дальнейшему расширению созданных в этой сфере возможностей и условий...»[1, с. 65].

Современное состояние научной разработки актуальных проблем языкознания, задачи лексикологии, перспективы общего развития теории значения и оценок вызывают необходимость поиска лингвистических новаций, нового взгляда на предшествующие проблемы и вовлекают в орбиту научных исследований по лингвистике множество вопросов, не изученных в сравнительно-сопоставительном плане.

Актуальность данного исследования связана как с экстралингвистическими моментами – изучением разных воплощений духовности средствами английского, русского и узбекского языков, так и собственно номинаций лиц как внутриязыковым явлением.

Названия лиц представляют собой традиционную, значительную по объём и постоянно появляющуюся область номинации, т.к. «человек был и остается объектом пристального внимания окружающих, и его самые разнообразные характеристики на основе взаимоотношений с другими людьми, предметами и явлениями действительности нашли выражение в огромном числе слов» [10, с. 3].

До сих пор сопоставительное изучение языков (как родственных, так и неродственных) велось главным образом в плане грамматическом. Лингвистический аспект изучения терминологической лексики еще не исчерпан своей проблематики, что делает необходимым описание терминологии как подсистемы общелитературного языка через призму лексико-семантических и грамматических категорий. В английском, русском

и узбекском языках наиболее развитую и многочисленную лексико-семантическую группу составляют наименования лиц, сравнительному и сопоставительному анализу которых и посвящается данное исследование

Современный этап развития науки о языке ставит перед исследователями задачу – заново рассматривать эти вопросы на основе современных методов, одним из которых является метод изучения языковых материалов как своеобразной системы. Это объясняется тем, что язык и его ярусы представляются как целостная система, в том числе и лексика с ее пластами, совокупностью которых она является. Каждый пласт лексики представляется системой в силу того, что каждое слово и, соответственно, каждое понятие занимает в этой системе определенное место, очерченное отношениями к другим словам и понятиям

Лексическая система языка является не только наименее исследованной, но и достаточно сложной по своей организации и структуре. Эта система включает в себя такое большое количество связанных самыми различными отношениями элементов, что их системность представляется труднообразимой или зачастую даже ставится под сомнение. В ней существуют нерегулярные явления, для описания которых требуется большое количество правил, тесно связанных и с внешними, экстралингвистическими факторами. Вся эта сложность характерна и для микросистемы названий лиц, и она еще более возрастает при проведении сопоставительного изучения на материале языков разного грамматического строя.

Степень изученности проблемы. Сравнительно-сопоставительное исследование иноязычных наименований лиц и их переводных соответствий в английском языке отмечается в научных трудах Н.Д.Арутюновой [6], Д.Н. Шмелева [58], Л.С. А.А. Уфимцевой [55], А.А.Покровской [44], А.И.Моисеева [35], А.М.Кузнецова [26], А.Н.Кононова [25], И.И.Исмоилова [22]. Несмотря на это наименования лиц как важный участок лексико-фразеологической подсистемы языка остаются до сих пор

недостаточно изученными в плане контрастивного анализа и выявления универсальных сходств и национально-специфических различий в структуре семантики единиц исходного, в нашем случае английского языка, на фоне других языков, в частности, русского и узбекского.

Целью работы является синхронно-сопоставительное изучение значений названий лиц английского, русского и узбекского языков.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- дать количественную и качественную характеристику названий лиц в английском, русском и узбекском языках;
- определить генетическую природу широко распространенных значений названий лиц в английском, русском и узбекском языках;
- установить функционально-семантические микросистемы каждого термина названий лиц и выявить интегральные и дифференциальные (частные) признаки семантических структур их компонентов;
- выявить и охарактеризовать имплицитные и эксплицитные компоненты в иерархии значений названий лиц кровного родства, которые функционируют в семантическом строении именованя лиц изучаемых языков;
- выявить и охарактеризовать процессы нейтрализации отдельных сем семантической структуры некоторых рассматриваемых терминов и их причины;
- выявить закономерности становления и основные пути развития названий лиц рассматриваемых языков.

Объектом исследования является функционально-семантическая классификация названий лиц в английском, русском и узбекском языках, что дает возможность определения генетической природы наиболее распространенных значений именованя лиц и их выражения в рассматриваемых языках.

Предметом исследования в настоящей диссертационной работе являются способы и средства образования названий лиц их функционально-

семантическое выражение, а также особенности словообразовательных систем данной тематической группы слов в английском, русском и узбекском языках.

Материалом исследования явились лексикографические источники английского, русского и узбекского языков.

Методологической базой исследования явились Закон о государственном языке Республики Узбекистан (принят 21 октября 1989 г.; новая редакция утверждена 21 декабря 1995 г.), законодательные документы Республики Узбекистан, труды Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова о культуре и духовности, фундаментальные труды отечественных и зарубежных авторов в области лингвопрагматики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, А.А.Абдуазизов, Д.У.Ашурова, Л. Блумфильд, В.В.Виноградов, Г.О. Винокур, В.Г.Гак А.А.Потебня, А.А.Уфимцева, R.Applbaum, M.Hewings, H.Marchand).

Методы исследования. В работе применена комплексная методика, включающая описательный, синхронно-сопоставительный, преимущественно метод компонентного анализа.

Для раскрытия словообразовательного и терминологического значений очень важную роль играет метод компонентного анализа, который использован для установления функциональных особенностей отдельных терминологических единиц со значением кровного родства.

Применялся сопоставительный метод, который в значительной мере способствовал успешной разработке поставленных задач. Он помог выявить особенности терминологической лексики со значением названий лиц английского языка в сравнении с русским и сопоставлении с узбекским.

Использован метод отбора лексического материала, так как работа велась со словарями, и рассмотрение терминов осуществлялось поступательно.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней:

1) в монографическом плане исследованы названия лиц как один из важнейших пластов лексики английского, русского и узбекского языков в синхронно-сопоставительном аспекте;

2) осуществлена попытка определения своеобразных функционально-семантических микросистем терминов названий лиц лексики английского, русского и узбекского языков;

3) выявлены и охарактеризованы закономерности наличия эксплицитных и имплицитных семантических компонентов в иерархическом строении значений названий лиц;

4) выявлены и описаны структурные типы обозначения лиц, свойственные анализируемому языку.

Теоретическая значимость работы связана с разработкой таких проблем, как системность в лексике в целом, в области терминов названий лиц, в частности, группировка слов-терминов по функционально-семантическим микросистемам, теория синхронно-сопоставительного изучения неродственных языков и их контактов между собой и с другими языками агглютинативного и неагглютинативного строя.

Несмотря на существование огромного количества работ по лексикологии, и особенно по терминологии, в языкознании, изучение особенностей формирования семантической структуры через призму установления ономастических отношений в семантическом статусе терминологии приобретает весьма существенную значимость

В работе предпринимается попытка обобщить теоретические основы семантической организации терминологической лексики в общем ряду лексической системы, систематизировать иерархические отношения между семантическими разновидностями исследуемой терминологической лексики.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования позволяют расширить и упорядочить сведения о номинативных средствах английского, русского и узбекского языков, что имеет большое значение для современной лексикографии и лексикологии. Детальное изучение

разноструктурных средств именованья способствует уточнению критериев определения семантики лексем в словарях, систематизации и качественному составлению двуязычных – англо-русских, англо-узбекских, русско-английских, узбекско-английских словарей.

Практические рекомендации диссертационной работы могут быть использованы при:

- изучении курса по сравнительной и сопоставительной лексикологии английского, русского и узбекского языков;
- чтении спецкурсов, проведении спецсеминаров, факультативов по вопросам терминообразования и функционально-семантических полей;
- написании дипломных, диссертационных, реферативных работ по терминологической проблематике.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования докладывались на ежегодной Республиканской научно-практической конференции молодых учёных-филологов «Молодая филология Узбекистана» (Ташкент, 2015-2016 гг.), на научно-практической конференции молодых ученых УзГУМЯ (Ташкент, 2016 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 2-х публикациях автора.

Структура исследования соответствует поставленным в работе цели и задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения. К ним приложен список использованной литературы и источников.

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦВ АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Термины наименований лиц в английском, русском и узбекском языках

Понятия «термин» и «терминология» имеют многочисленные определения, предложенные английскими, русскими, узбекскими и лингвистами дальнего зарубежья. Присоединяясь к мнению В.М.Лейчик, отметим, что «термин (от лат. terminus – граница, предел) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности», а «терминология (от термин и греч. logos – слово, учение) – совокупность терминов, обозначающих понятия какой-либо специальной области знаний или деятельности (например, лингвистическая), а также совокупность терминов какого-либо естественного языка (например, английская терминология)» [13, с. 558].

Как показывает исследование материалов рассматриваемых языков, термины не всегда однозначны, компактны и независимы от контекста. На наш взгляд, они становятся самостоятельными вне контекста, когда находятся на высшем этапе своего развития, т.е. когда форма и содержание термина не вступают в противоречие, а это достигается при специальном моделировании терминов одной области единой структурно-семантической общностью

Следует также подчеркнуть, что термины присущи в основном научной стилистике, т.е. они более широко употребляются в научных трудах, исследованиях, в отраслевых и общезыковых словарях и так далее. В этой связи необходимо также указать, что, несмотря на появление и формирование терминов из обычных лексических единиц, последние становятся обладателями новых функций. Изучение литературы по вопросу термина и терминологии привело нас к тому, что с момента превращения

лексической единицы в термин, она приобретает двойственную функцию. Любой термин, прежде чем приобрести характерные особенности употребляется как обычное, быденное слово и в таких случаях имеет лишь номинативный характер, и когда одно и то же простое слово превращается в термин, оно тут же приобретает дефинитивную особенность

Термины родства в английском, русском и узбекском языках имеют глубокие корни и богатое историческое прошлое. Однако требуется глубокое исследование сложного механизма создания терминов в истории языка и путей их дальнейшего широкого использования с целью во избежание всех противоречивых явлений в этом сложном явлении

Сравнительно-сопоставительное изучение языков дает ценный материал для общей их теории, помогает определить место каждого в системе языков мира. Оно применяется также при решении такой важной проблемы, как закономерности развития и взаимодействия языков

Пристальное внимание лингвистов к сравнительно-типологическим исследованиям языков различного типа, усилившееся в последнее время, вполне оправданно. Это своего рода ответная реакция на все возрастающее развитие процесса глобализации во всех отраслях материальной и духовной жизни мирового сообщества. Вопросы перевода, информационная служба, задачи создания различных словарей и справочников, совершенствование методов обучения неродному языку – все это относится к числу неотложных задач, стоящих перед сравнительной типологией. Именно данный аспект и побудил нас избрать в качестве объекта исследования термины родства в английском, русском и узбекском языках.

Следует сразу отметить, что рассмотрение анализируемых языков в типологическом аспекте не является основной задачей перед нами ставится более скромная задача – сравнение и сопоставление одного конкретного лексического пласта – наименований лиц этих языков.

Под термином **наименование лица** в данном исследовании понимается языковая единица, которая служит для обозначения какого-либо

человека как существа разумного, являющегося носителем каких-либо характерных качеств, принадлежащего к какой-либо социальной среде. Исследование, в основном, ограничивается именами нарицательными.

Как известно, сопоставление отдельных пластов лексики разносистемных языков - задача весьма трудоемкая. На сложность сравнительно-сопоставительного изучения лексики неродственных языков справедливо указывал в свое время А. А. Потебня: "Я не отвергаю различия внутреннего строя языков, даже более близких друг к другу и наречий одного языка, но знаю, что чем сходные языки, тем труднее определить их принципиальные различия" [46, с. 36].

1.2. Наименования лиц в английском языке

В данном разделе мы рассмотрим некоторые особенности речевого функционирования английских нарицательных существительных со значением лица. В качестве материала избраны слова, выступающие в речевом акте в функции обращения, т.е. апеллятивы. В данном случае предполагается определить прагматический, а, следовательно, и семантический статус апеллятивов с точки зрения их способности охарактеризовать коммуникативную ситуацию и самих коммуникантов. В связи с этим возникает вопрос о соотношении семантики слова и лингвистической прагматики.

По этому вопросу существуют две точки зрения: одни лингвисты понимают значение знака как явление исключительно языкового порядка, тогда как прагматика считается явлением внеязыкового уровня. Вторая точка зрения характеризуется отказом от понимания значения слова как закрепления в языковом знаке исключительно того, что составляет самое узкое понятие о предмете.

В работах последних лет значение слова понимается необычайно широко - как общечеловеческие и даже индивидуальные (субъективные) знания о предмете, как общественный и личный опыт. В рамках такого понимания значения представляется достаточно обоснованным считать, что прагматика - это аспект

семантики, а собственно прагматический аспект значения слова - это информация о коммуникантах и условиях протекания конкретного коммуникативного акта.

Лингвистическую прагматику и семантику объединяет отношение к пониманию значения слова как к процессу интерпретации: слово рассматривается как не более, чем «намек». Задача исследователя состоит не в том, чтобы его расшифровать, т. е. перекодировать, а в том, чтобы установить то, что за ним лежит. Подобный подход к прагматике слова получил освещение в работах социолингвистов.

В настоящее время мало кто оспаривает прагматическую наполненность языкового знака. Однако признание этого факта неизбежно приводит к выводу об ошибочности высказываемого некоторыми лингвистами мнения о семантической ущербности апеллятивов, поскольку выделяемая современной семантикой пресуппозиционная часть лексического значения представляет собой объект, необычайно разнородный по своему составу и характеру содержащейся в нем информации: это могут быть сведения о ситуации, социальном статусе коммуникантов, национально обусловленных коннотациях и т. п.

Наибольшее освещение в лингвистической литературе и особенно в практических руководствах получили английские формы вежливого обращения или речевые клише **Mr., lady, sir** и другие, которые иногда приводят как образец семантической опустошенности. Однако уже то, что существуют многочисленные рекомендации относительно того, кто, к кому, в каких условиях может обращаться, используя ту или иную форму, показывает их прагматическую значимость, иначе говоря, их «социальную ориентированность». Так, для апеллятивов **madam** и **sir** она обычно заключается в указании на то, что P_x занимает социально более низкое или ситуативно более зависимое положение по отношению к адресату речи; P_x пытается продемонстрировать явное или внешнее почтение к P_r . Существуют также достаточно стандартные ситуации, в которых апеллятивы **madam** и **sir** сигнализируют о статусе коммуникантов. Например, для **sir** вполне вероятен такой состав: P_x – это ученик, а P_r – учитель. Английский внутришкольный этикет не предусматривает другого обращения к учителю-

мужчине. Прагматический смысл слова *madam* может быть раскрыт в подобной реплике: **Excuse me, madam, would you mind if I open the window?** Микроконтекст этого высказывания позволяет слушателю (читателю), знакомому с английским речевым этикетом, сделать некоторые выводы о P_x и P_y . - P_x – это мужчина, причем незнакомый с P_y , либо P_x – это женщина.

В этом случае факт знакомства не решается однозначно, но вполне определено то, что P_x – лицо из обслуживающего персонала.

Интересный материал с точки зрения прагматической информации представляют собой некоторые функциональные имена лица, выступающие в роли обращений. При их анализе мы предлагаем различать два вида ситуаций, в которых они употребляются: «естественные» и «неестественные». «Естественные» ситуации употребления слова – такие, в которые референт апеллятива вписывается логичным образом: обычно это указания на определенные сферы деятельности, предусматривающие конкретных участников. Так, для апеллятива **doctor** «естественной» ситуацией будет та, которая обобщенно называется **illnesses, hospital**; для **teacher-school** и т. д.

«Неестественной» для апеллятива будет такая ситуация, где его референт оказывается посторонним, чужеродным лицом. К примеру, для апеллятива **colonel** «неестественной» будет любая ситуация, не связанная с армейским коллективом.

В «естественной» ситуации апеллятив, выраженный функциональным именем, как правило, реализует свое денотативное значение, как, например, слово **doctor**, употребленное на ситуативном фоне описания работы больницы: **"The autopsy, however, showed that the man had a healthy heart and no other physical condition which might have caused him to fall'. 'I know all that', Person cut her short. I'm sorry, Doctor.'** (Hailey-1). Отметим, что употребление апеллятива **doctor** без имени собственного, независимо от контекста, подразумевает обращение исключительно к специалисту в области медицины, но не философии или какой-либо другой области знаний.

Апеллятив, употребленный в «естественной» ситуации, отражает определенную социальную дифференциацию людей, характеризует возникающие между ними отношения. Как правило, апеллятивы, выраженные функциональными именами, - это названия социально престижных должностей: **doctor, professor, director.**

Практически редко встречаются апеллятивы из группы социально сниженных функциональных имен типа **sailor** или **office-boy**, за исключением случаев обращения с целью привлечь внимание.

Общество «равных возможностей» предписывает коммуникантам специфический речевой этикет: именование людей, выполняющих социально более низкие роли, происходит с помощью личных имен – **Mr. X, Mrs.** или даже завышается. Не случайно в американском варианте I английского языка сфера употребления слова **lady** была расширена; оно I используется по отношению к представителям более низких слоев общества: например, **charlady** вместо **charwoman** в британском варианте.

Интересным с прагматической точки зрения представляется варьирование в тексте антропонимов и функциональных имен, относящихся к одному лицу. Переход от одного типа номинации к другому часто является сигналом об изменении в отношениях между коммуникантами.

В линейном отрезке речи апеллятив, выраженный именем собственным, предстает как индикатор более неформальных отношений, тогда как употребление функционального имени в качестве обращения – это проявление коммуникативной интенции: выражение собеседником своего недовольства, нерасположения, намерения вести беседу в официальных рамках.

Анализ речевого функционирования апеллятивов, выраженных функциональными именами, в «неестественных» ситуациях показал, что эти имена имеют тенденцию к утрате своего денотативного статуса и переходят в разряд индивидуализирующих знаков, т. е. приближаются по своему значению к именам собственным. Сближение и переход нарицательных имен в имена собственные - явление гораздо менее изученное по сравнению с противоположным процессом.

В определенных речевых ситуациях круг денотатов функционального имени может настолько сузиться, что в итоге оно начинает называть только одного человека. Например: **There were glasses and a crystal decanter on a mahogany table. As Sharon poured sherry; Alan ventured, «You have a beautiful home, Senator» (Hailey-2).** В слове senator происходит нейтрализация лексического ядра (**member of the upper home of parliament**), в высказывании оно выступает как эквивалент имени собственного. Пожалуй, в этом случае можно говорить о специфической семантической обедненности апеллятивов, но лишь в той же степени, в которой можно говорить о семантической обедненности имен собственных.

Вполне очевидно наличие прагматического содержания у существительных, называющих людей по признаку родственных отношений. Это содержание обусловлено стоящими за этими именами разграничениями в возрасте, занимаемом в семье положением и вытекающими из них взаимоотношениями. Определенный интерес представляют такие апеллятивы, которые обозначают референтов, не связанных с говорящим узами родства.

Так, апеллятивы **sister** или **brother** могут сигнализировать о протекании диалога между членами религиозного или духовного союза, а вне клерикальной ситуации обращение **brother** свидетельствует о неформальном стиле общения. Особое прагматическое содержание свойственно апеллятиву **son** и его варианту **sonny**. Для него характерна контактоустанавливающая функция (т. е. P_x и P_y не знакомы), например: **Peter: What's the time by your watch, sonny? Geoff: It's never been right since it last went wrong (Delaney).**

Помимо функции контактоустановления в слове **sonny/son** реализуется сема «возраст», причем в зависимости от ситуации она может отражать симпатию старшего к младшему или снисходительно-покровительственное и даже презрительное отношение одного из говорящих к другому, часто при отсутствии разницы в возрасте. Так, в следующей реплике из диалога между солдатами-одногодками употребление апеллятива **son** создает эффект некоторого превосходства одного над другим: **Look, son. Do yourself a favour. Don't give me all that bull (Hall).**

Следует назвать еще один тип обращений, обладающих выраженным прагматическим содержанием. Это существительные, называющие людей по половозрастным признакам: **child, kid, boy** и др. Эта группа характеризуется относительно большей прагматической устойчивостью в том отношении, что факт их употребления в высказывании имплицитно подразумевает достаточно определенный: диапазон отношений между коммуникантами: от подлинно дружеского расположения до нейтрально-покровительственного.

Однако определяющим модальность высказывания, фактором остается интенция говорящего. Контекст, паралингвистические средства могут существенно изменить значение речевой единицы. Так, при общей установке говорящего унижить собеседника слово **child** утрачивает свое языковое значение со свойственными ему положительными коннотациями: **And now, my dear child, I must go (Wilde)**. Поясним, что данная реплика взята из диалога между двумя соперничающими женщинами. Прагматическое содержание апеллиатива в данном случае является следствием взаимодействия и противоречия системного значения слова **child** и всей речевой ситуации. Таким образом, анализ некоторых английских апеллиативов показывает, что их нельзя отнести к семантически обедненным единицам вследствие «отсутствия выражения отношения говорящего, т. е. отсутствия плана **ego**». В действительности препозиционная часть значения апеллиативов выступает индикатором социальных и межличностных отношений между коммуникантами.

Нам представляется, что даже в случае традиционных адресатных клише апеллиатив заключает в себе вполне конкретное прагматическое содержание.

1.3. Наименования лиц в русском языке

Имена существительные – названия лиц – широкий и семантически своеобразный участок русской лексической системы. Многие единицы этого класса и их группировки неоднократно являлись предметом исследований, в том числе и с точки зрения лексических значений слов. С одной стороны, это многочисленные работы, посвященные анализу семантических свойств отдельных лексических

группировок в аспекте их соотношения с формальными средствами выражения; с другой стороны, лингвистические изыскания, связанные с семантическим анализом различных лексико-семантических групп слов в плане выявления их внутрисистемных отношений и анализа слова как единицы лексико-семантического уровня языка.

Только за последние годы на материале отдельных лексико-семантических групп имен лиц разрабатывались, например, положения об уровне организации лексической системы [49; 47]; о строении отдельного лексического значения, об использовании метода компонентного анализа применительно к данной лексике [см.: 30; 47]; о тематической организации класса названий лиц [32; 36; 47]. Однако до сих пор не было осуществлено полное описание русских имен лиц как системы.

Класс имен лиц выделяется из состава конкретной лексики на основании общего признака «лицо», который является семантическим инвариантом для всех имен исследуемого класса. В общей классификации конкретных имен существительных, предложенной в работе Н. Ю. Шведовой [57], имена лиц занимают место внутри объединения собственно названий живых существ и организмов, противопоставляясь общим обозначениям, названиям животных, растений и частей тела, организма. Существенной семантической характеристикой имен лиц, на которую не раз обращали внимание исследователи, является то, что, именуя конкретный предмет – лицо, они в то же время «ассоциируются с действиями, поступками, поведением» их носителей [7, с.146], «отражают в своем значении разные стороны человеческого бытия» [28, с. 92]. Это значит, что названия лиц представляют человека как носителя

Множество названий лиц – носителей связей, отношений, соотнесенности с чем-л. объединяет слова, характеризующие человека по разнообразным связям между людьми, по социальным контактам, зависимостям или по соотнесенности с чем-л. В соответствии с тем, что является предметом соотнесения, связи с именуемым лицом, здесь выделяются подмножества: названия лиц по соотнесенности, связи с другим лицом/лицами, по отнесенности к группе, совокупности лиц, к территории, местонахождению, местожительству. Имена лиц,

конструирующие первое подмножество, характеризуют человека по его связям с отдельным лицом/лицами. В зависимости от вида этих связей, их наличия или отсутствия выделяются следующие группировки: названия лиц по отсутствию связи, социальной зависимости, по родству, породнению и по социальным связям, контактам, названия лиц по сравнению, сопоставлению с кем-либо.

Группировка представляет собой конечный лексический ряд: **незнакомец, чужак**, сюда же – регулярно субстантивирующиеся **никто, ближний, посторонний, чужой**. Группировка объединяет следующие конечные лексические ряды: общие названия – **родственник, родич, родня** «родственник» **сородич, сродник, сродственник**, каждое из этих имен выступает как родовое по отношению к единицам других рядов этой группировки; названия лиц по потомственным отношениям: **предок** «древний предшественник по роду», **потомок** «человек по отношению к своим предкам», **праотец, прародитель, пращур, родоначальник** «предок, от которого ведет свое начало род», **отрасль** «потомок» **отпрыск**; по прямому родству: **родители, предки** «отец и мать», **старики** «старившиеся родители» (оба с элементом оценки), **дети, ребенок, отец, родитель** «отец», **папа, папаша, батя, батюшка; мать, родительница** «мать», **мамаша, маменька, матка; дед, дедушка, прадед, прадедушка, прапрадед; бабушка, бабка, прабабушка, прабабка, прапрабабка; дочь, сын; внук, внучка; брат, братан, братишка** (с дополнительной семьей, характеризующей по возрасту); **сестра, сеструха**; к этому ряду примыкают также имена, содержащие дополнительные семы, характеризующие по сопоставлению: **первенец, погодок, последыш**; по физиологическому сходству, подобию: **близнец, двойняшка, тройняшка**. В рассматриваемую группировку входят далее названия лиц по непрямому родству: **дядя, дядька, тетя, тетка; племянник, племянница, племянш, племяшка; кузен, кузина**; по породнению: **отчим, мачеха, падчерица, пасынок, приемшш**; сюда же – **восприемник, крестник, крестница, кум, кума** и субстантиваты **крестный, крестная**, все – с дополнительной семьей, характеризующей по участию в обрядовых действиях; по свойству: здесь выделяются, прежде всего, общие названия, родовые для всего ряда **свойственники свояк** «свойственник», а также

имена, указывающие на лиц, с которыми устанавливается свойство: **сват, сваха; тесть, теща, свекор, свекровь, зять, сноха, невестка, деверь, золовка, свояк, свояченица, шурин**; по официальным брачным отношениям: **невеста** «девушка или женщина, вступающая в брак», **жених; муж, жена, супруг, супруга, супружник, супружница, половина** «жена», **хозяин, мужик** (оба – в значении «муж»), **хозяйка, баба** (оба в значении «жена», сюда же – субстантиваты **благоверный, благоверная**; по неофициальным брачным отношениям: **любовник, любовница, наложница, сожитель** «любовник», **сожительница**; сюда же – регулярные субстантиваты **суженая, суженый**, а также имена с дополнительной семьей, характеризующей по социально-экономическому положению: **альфонс, сутенер, содержанка**; по отношениям родства, породнения в сочетании с квалификацией по социальному положению: **боярыня** «жена боярина», **королева, ханша, царица, шахиня, леди** «жена лорда»; **маркиза** «жена или дочь маркиза»; **декабристка; генеральша, губернаторша; директорша, докторша, дьяконица, дьячиха, попадья, командирша, матроска** «жена матроса».

На том же шаге классификации, что и названия лиц по социальным связям, вычленяется группировка названий лиц по сравнению, сопоставлению с кем-/чем-л.

Составляющие ее имена различаются по характеру представления в их семной структуре сопоставляемого признака: словам, которые содержат характеристику этого признака, противоплагаются слова, в которых такая характеристика отсутствует; в соответствии с этим выделяются названия лиц по охарактеризованному сопоставляемому признаку и названия лиц по охарактеризованному признаку. Первое объединение включает имена лиц по связям, обусловленным полным совпадением (**двойник**), сходством, соответствием (**пара, ровня**), полным несовпадением (**антипод**), несходством (**неровня**).

Имена лиц, в самих себе содержащие характеристику сопоставляемых признаков (локальной отнесенности, интеллектуально-эмоционального состояния, временной соотнесенности, возрастной характеристики, соотнесенности с группой, разрядом, личного именованья), конструируют следующие конечные ряды:

названия лиц по связи, обусловленной несовпадением сопоставляемых признаков: **иновер, иноверец, иностранец, иноземец, пришелец** 'пришлый, не местный человек', **чужестранец, чужеземец** – сюда же – слова с элементом оценки: устарелые **басурман** и **гяур**, а также собственно субстантиват **«неверный»**, названия лиц по связи, обусловленной совпадением признаков: **земляк, сородич** «земляк», **односельчанин; единомышленник, единоверец, годок, одногодок, однолеток, ровесник, сверстник, сюда же – современник; однофамилец, тезка, одноклубник, одноклассник, однокурсник, сокурсник, единоплеменник, компатриот, согражданин, соотечественник, соплеменник; единомышленник, единоверец.**

К лексическому подмножеству названий лиц по отнесенности к группе, совокупности лиц принадлежат слова, содержащие характеристику человека по его вхождению или невхождению в те или иные социальные объединения, общности, разряды.

В зависимости от характера этих объединений, общностей на следующем шаге классификации вычленяются группировки: названия лиц по отнесенности к исторически сложившимся этническим, культурно-историческим и социальным общностям, к совокупностям лиц, объединяемых социальнобытовыми и социально-экономическими условиями (к среде, классу), к официальным экономическим, социальным объединениям, разрядам.

Первую группировку составляют следующие конечные ряды слов: обобщенные названия по признаку национальной принадлежности: **национал, нацмен, инородец** (с элементом сопоставления); названия лиц по признаку определенной национальной принадлежности: **абхазы, аварцы, австрийцы, адыгейцы, азербайджанцы, албанцы, алеуты, алжирцы, алтайцы, англичане (и британцы), балкарцы, баски, башкиры, белорусы, болгары, буряты, венгры (и мадьяры), вьетнамцы, голландцы, готтентоты, греки, грузины, датчане, евреи, ингуши, ирландцы, исландцы, испанцы, итальянцы, ительмены, кабардинцы, казахи, калмыки, караимы, каракалпаки, карачаевцы, карелы, киргизы, китайцы, коми, корейцы, коряки, кумыки, курды, латыши, лезгины, литовцы, македонцы, манси, маньчжуры, мары, молдаване, монголы, мордва, нанайцы,**

немцы (и германцы), ненцы, нивхи, ногайцы, норвежцы, осетины, папуасы, поляки, португальцы, румыны; субстантиват русские (и великоросы, великорусы, россияне), саамы, сербы, сирийцы, словаки, словенцы, таджики, татары, тибетцы, тувинцы, турки, туркмены, удмурты, удэге (удэгейцы), узбеки, уйгуры, украинцы, финны, французы, хакасы, ханты, хорваты, черкесы, черногорцы, чехи, чеченцы, чуваша, чукчи, шведы, шотландцы, эвенки, эскимосы, эстонцы, эфиопы, якуты, японцы; сюда же – названия лиц по принадлежности к национальным объединениям: арийцы, арабы, евреи, негры, славяне, семиты, тюрки; к этому же ряду относятся устарелые обозначения соответствующих национальностей: абиссинцы, вогулы, вотяки, гиляки, гольды, зыряне, лопари, остяки, пермяки, персы, самоеды, тунгусы, черемисы, а также историзмы - галлы, германцы «древние племена, обитавшие в центральной, западной и юго-западной Европе», готы, гунны, кельты, мавры, норманны, печенегы, половцы, скифы, тевтоны, эллины.

К лексическому множеству принадлежат слова, в которых оценочный компонент значения, определяемый современными исследователями как «отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [6, с. 230], сочленен с семами, характеризующими лицо по признакам, принадлежащим ему самому, в нем самом отыскиваемым (по деятельности, действиям, внутренним свойствам, социальным характеристикам). По этим признакам такие единицы могут быть отнесены к соответствующим подмножествам в подклассе индивидуально характеризующих имен. Основанием для помещения их именно в данное множество служит предельная обобщенность характеризующих признаков, которые неразрывно слиты в слове с эмоционально-экспрессивной оценкой. Во многих именах оценка тесно связана с квалификацией по интенсивности проявления признака («очень», «безмерно», «резко», «крайне» и т. д.).

Качество этих сочлененных признаков определяет выделение следующих конечных рядов: названия лиц по позитивно оцениваемой деятельности, занятиям, по проявляемым в деятельности свойствам; по позитивно оцениваемым умениям, навыкам; по позитивно оцениваемым свойствам, проявляемым в поведении,

поступках, общении (в ряде имен – с дополнительной характеристикой по физическим признакам); по негативно оцениваемой деятельности, занятиям; по негативно оцениваемым поступкам, поведению, образу жизни; по негативно оцениваемым свойствам, проявлениям в труде, работе, занятиях, в отношении к делу; по негативно оцениваемым свойствам, проявляемым в поведении, поступках; по негативно оцениваемым свойствам, проявляемым при общении, контактах; по негативно оцениваемым чертам характера, привычкам; по негативно оцениваемым интеллектуальным свойствам, качествам; по негативно оцениваемым физическим признакам; по негативно оцениваемым социальным свойствам; по негативно оцениваемым отношениям, по объекту связи; по совокупности неоднородных негативно оцениваемых признаков.

В индивидуальных лексических значениях имен лиц, конструирующих перечисленные минимальные подмножества, сочлененные оценочно-квалифицирующие семы предстают в следующих модификациях:

– клыпой опыт, усердие, значимость»: **дипломат** «о человеке, действующем тонко и умело», **кормчий** «мудрый, опытный руководитель»; **работяга, служака, трудяга, вояка** «об испытанном и храбром воине», **рубака**; «значительность»: **зубр** «об опытном и ценном специалисте», **киг** «главное или наиболее важное лицо в каком-л. деле»; «мастерство, ловкость»: **зверь (на работу), собака (писать), черт (плясать)**; «самоотверженность, храбрость, настойчивость»: **богатырь, кряж, орел, сокол, удалец, хват, кремень, молоток; донкихот**; «доброта, послушание, привлекательность»: **ангел, ангелочек, душенька, душечка, душка, киса, киска, лапочка, миляшка, миляга; пай, паинька**;

– «неодобряемое, предосудительное занятие»: **зубодер, легавый, стукач, шпик, холуй** «о слуге, лакее», **торгаш** «торговец, купец»; **левак, шабашник**;

– «недостойное, низкое поведение»: **дегтемаз, негодник, пакостник, свинтус, свинья**; «безрассудное, беспринципное поведение, приспособленчество»: **баран** «о том, кто слепо следует за кем-л», **обезьяна, попугай, флюгер, хамелеон**;

– «паразитизм, хищничество»: **захребетник, мироед, паразит** «тот, кто живет чужим трудом», **пенкосниматель, трутень, тунеядец; лихоимец, обдирала, хищник**;

– «беспутность, бесполезность»: **бражник, выпивоха, забулдыга, пропойца, пьянь, ярыжка; перекасти - поле, подзаборник** «об опустившемся человеке, бродяге», **пустоцвет;**

– «недобросовестность, неопытность, бездарность»: **аварийщик, бракодел, головотяп, гастролер;**

– «о случайном и обычно недобросовестном работнике», **пачкун, портач, ремесленник, борзописец, бумагомаратель, водолей, писака, рифмоплет, стихоплет, шелкопер, коновал, лихач;**

– «о водителе, из удальства пренебрегающем правилами безопасности езды»; **мазила, урокодатель, чиновник, чинодрал, чинуша, хозяйчик;**

– «бестолковость, небрежность, нерасторопность, медлительность, невнимательность»: **губошлеп, недотепа, разгильдяй, разиня, раззява, растеряха, растяпа, растрепа «разиня», ротозей, рохля, шляпа.**

Собственно оценочные слова содержат самую общую оценку лица – похвалу, одобрение, сочувствие, либо неодобрение, обсуждение, брань.

В зависимости от характера оценки выделяются следующие конечные лексические ряды имен лиц:

– названия, содержащие общую позитивную оценку: **молодец, молодчага, молодчина, умница** (все в значении похвалы, одобрения по отношению к человеку, делающему все отлично, умело, ловко); **чертяка** (в значении одобрения, восхищения по отношению к кому-л.);

– названия лиц с оценочным значением сочувствия, сожаления: **бедняга, бедняжка, бедолага, горемыка, горюн;** названия лиц с общим значением негативной оценки. Этот ряд более многочислен и включает, во-первых, имена, не содержащие мотивировки оценки: **бес, дьявол, сатана, черт, зараза, каналья, паразит, паршивец, злодей, холера, хрыч, хрычовка, устарелые антихрист, нехристь, лиходеи;** сюда же - **дьяволенок и чертенок** (употребляемые как бранные по отношению к ребенку). Во-вторых, это - названия лиц, в значениях которых наличествует мотивировка оценки, т. е. указание на такие отрицательные признаки лица, которые могут теряться при употреблении слова в речи в тех случаях, когда

«высказывания с оценочными предикатами. . . стремятся оторваться от свойств референта» [6, с. 231). Сюда относятся, прежде всего, имена лиц, содержащие указание на негативные внутренние свойства лица или его поведение: предательство, хитрость, двуличие - **иезуит, иуда, каин, вор**; низость, подлость – **висельник** «человек, достойный виселицы» **гад, гадина, дерьмо, животное, мерзавец, негодяй, пес** «о человеке, готовом на любые низкие поступки, дела», **подлец, подлюга, подонок, прохвост, проходимец, сволочь, стерва, стервец, скот, скотина, тварь, ублюдок, хам**; никчемность, негодность, ничтожность – **брандахлыст, оболтус, обормот, шантрапа, шваль; ничтожество; пигмей**; нечестность, мошенничество, продажность – **бестия, выжига, гаврик, жук, мошенник, шельма, шельмец; шкура**; грубость, злобность, жестокость, беспощадность, коварство – **бандит, бандюга, башибузук, головорез, живоглот, живодер, зверь, зверюга, изверг, изувер, инквизитор, ирод, людоед** «о кровожадном человеке», **кровопийца, кровосос, палач, пиявка, чудовище; аспид, ехида, ехидна, собака; ведьма, мегера, фурия**; глупость, тупость, грубость, бесчувственность – **азиат** «грубый отсталый человек»; **балбес, балда, болван, бревно** «о тупом, бесчувственном человеке», **дуб, дубина, пень; дурак, дуралей, дурень, дурачина; дуреха, идиот, идол, истукан, кретин, олух, остолоп, охломон, осел, троглодит, чурбан**; невежество, властность, грубость – **бурбон, вандал, варвар**; нерешительность, вялость, безволие, внутренняя незначительность – **баба** «о робком, слабохарактерном мужчине», **мямля, размазня** «о вялом, нерешительном человеке», **рохля, рыба** «вялый, бесстрастный человек».

Конечные лексические ряды, объединяемые общим значением оценки, характеризуются стилистической маркированностью подавляющего числа составляющих их единиц, открытостью (они могут свободно пополняться за счет неологизмов, прежде всего семантических), отсутствием семантической доминанты и родовидовых связей внутри всей группировки в целом, способностью включать в свой состав наборы синонимов (ср., например, ряды, включающие в качестве своих фрагментов имена **работяга и трудяга, ремесленник, сапожник,**

бумагомаратель, писака, рифмоплет, стихоплет, щелкопер, чиновник, чинуша, чинодрали др.).

Языковой характеристикой лексических рядов, конструируемых именами с оценочным значением, служит также способность этих рядов к установлению межрядных и межклассных связей: такие ряды включают многозначные слова, которые на основании своих прямых значений включаются в другие подмножества. Например, межрядными связями характеризуется ряд имен лиц с оценочной семой «недобросовестность, неопытность»: слова сапожник, ремесленник своими прямыми значениями связывают этот ряд с названиями лиц по трудовой деятельности в сфере ремесленного производства; вхождение в анализируемый ряд слова чиновник обуславливает межрядные связи с названиями лиц по служебно-должностной деятельности. Часть лексических единиц анализируемого множества в своих значениях связана с именами других лексических классов. Так, названия лиц с общими оценочно-квалифицирующими семами «мастерство, ловкость», «значительность», «чрезмерная кротость, безответность», «нелюдность, угрюмость» взаимодействуют с классом названий животных: **зверь, собака; зубр, кит, орел, сокол; ишак, овца, овечка, теленок, ягненок", бирюк.**

Имена с общим значением негативной оценки ассоциируют обозначаемое лицо с именованьями продуктов человеческой деятельности: **болван, бревно, дубина, истукан, колода, кувалда, мешок, тряпка, тюфяк, чурбан, шкура.** Особые связи обнаруживаются между рядами оценочно-квалифицирующих названий-характеристик и рядами названий, характеризующих лицо по содержательному признаку. Последние включают в свой состав «нейтральные **двойники**» оценочных имен.

Таков, например, с одной стороны, ряд, ядро которого составляют имена **виртуоз, искусник, умелец,** а с другой - оценочно-квалифицирующие имена **дока, мастак, зверь, собака, черт.** Далее, ряд, конструируемый именами **интеллектуал, мудрец, мыслитель, умница, голова, ум, глупец** под., взаимодействует с рядом оценочно-квалифицирующих названий с общей семой «глупость, тупость, необразованность»: **бестолковщина, бестолочь, колпак, лопух, межеумок, придурок,**

простофиля, темнота, тупица. Ряд названий лиц по свойствам, проявляемым в отношении к труду, к делу, включающий имена **ленивец, лентяй,** контактирует с рядом оценочно-квалифицирующих названий **барин, белоручка, лежебока, лоботряс, сачок, филон.** Все такие связи можно рассматривать как одно из свойств данных лексических рядов.

Изложенный материал позволяет утверждать, что применительно к классу русских имен лиц осуществимо построение полной лексической классификации (охватывающей весь этот массив слов в объеме, зафиксированном современными толковыми словарями) путем естественного безостаточного разбиения анализируемого лексического класса на основании выявления инвариантного значения и его последующей дифференциации. Возможно, также представление класса имен лиц в виде последовательно сужающихся множеств и подмножеств, доходящих до конечных лексических рядов. Полученная классификационная схема наглядно демонстрирует соотношение отдельных частей изучаемого класса, «неодноуровневость» его организации: разные участки общей схемы характеризуются разным количеством классификационных шагов.

Так, второй шаг разбиения оказывается последним для названий вымышленных, мифологических, человекоподобных существ, литературных, художественных персонажей; на третьем шаге завершается членение общих названий лиц, указующих названий, названий-обращений и названий, не дифференцированных по признаку активности-пассивности; на пятом - оценочно-квалифицирующих названий и названий, не дифференцированных по признаку стабильности-нестабильности; на шестом - названий лиц по признакам поведения в быту, речевого поведения, социального поведения, образа жизни и времяпрепровождения, по социальным функциям руководства, воспитания, пестования, посредничества, организации, сопровождения, по темпераменту, по физиологическому состоянию; последний, одиннадцатый классификационный шаг является конечным для названий рабочих - специалистов по виду выполняемых работ, по объекту изготовления, обработки, по конечному продукту производства, по орудью изготовления, инструменту, по обслуживаемому механизму, агрегату.

Внутренняя организация минимальных лексических рядов имен лиц выражается, прежде всего в том, что, организуясь вокруг семантического инварианта «лицо», эти слова обладают специфическими наборами дополнительных сем, узко модифицирующих инвариантное значение.

1.4. Наименования лиц в узбекском языке

В узбекском языке названия лиц распадаются на несколько тематических рядов: названия лиц по профессии (**заргар, сувчи, учувчи**), названия лица по национальности родовой принадлежности (**ўзбек, тожик, козоц, кочок**), названия лица по должности и социальной принадлежности (**шоҳ, вазир, раис, бек**) и т.д.

В современном узбекском языке названия лиц охватывают несколько синонимических рядов слов, доминантами которых выступают слова: **аёл, ока, амма, бобо, бола, буви, бока, гўдак, жиян, жувон, йигит, кампир, келин, куёв, незара, она, опа, ота, овсин, почча, сингил, тоға, ука, хола, хотин, чақалок, чевара, чол, эвара, эр, эркак, ўсмир, ўспирин, ўғил, янга, қария, қиз, қайин, куда.**

Для такого перечисления нам вполне достаточно перечислить лишь доминанты синонимических рядов, так как окружение синонимического ряда непосредственно не входит в структуру лексической микросистема, в частности, лексико-семантических групп (ЛСГ), составляя окружение данной ЛСГ, образует корреляции на уровне средств изобразительной передачи содержания доминанты. Например, из синонимического ряда **ота, абу, ада, бобой, бузруквор, дада, жадди, падар, қиблагох, саждагох**; в ЛСГ названий кровного родства (НКР) прочное и определенное место занимает лишь ота, что же касается остальных членов данного синонимического ряда, то они выступают во взаимоотношениях с элементами данной микросистемы лишь опосредственно - через слово ота. Именно поэтому ряда: **ота – падар, она – модар, ака – биродар.**

Группа названий лиц по родству имеет следующие доминанты: **ака, амма, амаки, бобо, бола, буви, божа, жиян, келин, куёв, неварра, она, опа, ота, овсин, почча, сингил, ука, хола, хотин, эр, янга, ўғай, ўғил, қиз, қайнана, қайната, куда.**

Следует заметить, что некоторые существительные в узбекском языке могут иметь значения как названия родства (а), так и выражать лишь только возрастную характеристику лица (б):

а) Тул - эри ёки хотини ўлиб ёлғиз, бева эсир (Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томлик.– М., 1981. – С. 221. – далее ИЛ).

б) Эр сийлаган ерда азиз (мақол).

Названия лиц, обозначающие "возраст" внутри своей группы образуют несколько градуальных корреляций.

В том числе: 1) **чақалок** – **гўдак** – **бола**, 2) **ўсмир** – **ўспирин** – **йигит**; 3) **эркак** – **чол** – **қария**; 4) **жувон** – **аёл** – **кампир**. Первый ряд этих градуальных оппозиций иррелевантен по отношению к признаку пола, что обусловлено, видимо, незначительностью половых различий в младенческом возрасте. Во всех остальных рядах семы "возраст" и "пол" сочетаются и не могут быть оторваны друг от друга.

Название лиц, обозначающее родства, внутри себя образует две семантические подгруппы.

а) название кровного родства: **ака, амма, амаки, бобо, бола, буви, жиян, невара, она, ота, опа, сингил, тога, ука, хола, чевара, ўғил, қиз**;

б) название брачного родства: **божа, келин, кундош, куёв, овсин, почча, хотин, эр, янга, қайин, куда**.

В узбекском языке содержится немалое количество слов, обозначающих названий должностей и званий. Здесь выявляются общетюркские, узбекские пласты лексем, а также заимствованные лексеммы из персидского, арабского, русского и европейских языков, проникших через русский язык.

В узбекском языке по содержанию и характеру применения лексеммы, выражающие названия должностей и званий можно делить на следующие тематико-смысловые группы:

Должности и звания в сфере государственного управления – **амир, бек, махдум, подшоҳ, халифа, хон, хоқон, шаханшоҳ, элчи, вазир, қушбеги, ҳоким, иноқ, Вазирлар Маҳкамаси раиси, Олий Мажлис раиси, Бош вазир**.

Должности и звания в военной области –**қўрбоши, мингбоши, юзбоши, ўнбоши, кургонбеги, генерал, полковник, подполковник, майор, капитан.**

Должности и звания в правовой системе – **кози, раис, Олий суд раиси, Бош прокурор, судья.**

Наименование должностей и званий в системе науки и народного образования – **ректор, проректор, декан, кафедра мудири, ассистент, катта ўқитувчи, доцент, профессор.**

Названия должностей и званий в религиозной сфере –**шайхулислам, имом, муфти, аълам, мударрис, охунд, мулла.**

Имена существительные, обозначающие названий лиц, в узбекском языке образуют относительно самостоятельную, замкнутую в центре, устойчивую лексическую микросистему, включающую подсистемы: название родства; название лица по возрасту; названия должностей и званий.

Выводы по первой главе

Термины родства в английском, русском и узбекском языках имеют глубокие корни и богатое историческое прошлое. Однако требуется глубокое исследование сложного механизма создания терминов в истории языка и путей их дальнейшего широкого использования с целью во избежании всех противоречивых явлений в этом сложном явлении

Сравнительно-сопоставительное изучение языков дает ценный материал для общей их теории, помогает определить место каждого в системе языков мира. Оно применяется также при решении такой важной проблемы, как закономерности развития и взаимодействия языков

Интересным с прагматической точки зрения представляется варьирование в тексте английских антропонимов и функциональных имен, относящихся к одному лицу. Переход от одного типа номинации к другому часто является сигналом об изменении в отношениях между коммуникантами.

Анализ речевого функционирования апеллятивов, выраженных функциональными именами, в «неестественных» ситуациях показал, что эти имена имеют тенденцию к утрате своего денотативного статуса и переходят в разряд индивидуализирующих знаков, т. е. приближаются по своему значению к именам собственным.

Применительно к классу русских имен лиц осуществимо построение полной лексической классификации (охватывающей весь этот массив слов в объеме, зафиксированном современными толковыми словарями) путем естественного безостаточного разбиения анализируемого лексического класса на основании выявления инвариантного значения и его последующей дифференциации.

В узбекском языке содержится немалое количество слов, обозначающих названий лиц. Здесь выявляются общетюркские, узбекские пласты лексем, а также заимствованные лексеммы из персидского, арабского, русского и европейских языков, проникших через русский язык.

ГЛАВА 2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Признаки наименований лиц в английском, русском и узбекском языках

Для лингвистики современного Узбекистана характерно углублённое изучение иностранных языков, как в теоретическом, так и практическом аспектах, а также развитие новых направлений, нацеленных на исследование языка в аспекте изучения процессов мышления, места и роли человека во всё усложняющемся мире, специфики речевого поведения человека в пределах разных социальных групп (языковая прагматика).

Исследователи языка вновь и вновь обращаются к феномену номинативной ценности слова как одному из средств формирования языковых картин мира в данном языке. В связи с расширением сфер применения английского языка в нашей республике особо актуальными становятся бинарные сопоставления узбекского языка с английским, а также тройные сопоставления (узбекский - английский - русский языки), что исключительно важно в типологическом отношении. Избранный в данной статье аспект исследования тесно связан с категорией определённости - неопределённости, безусловно присутствующей в каждом языке, но не в каждом языке получающей статус грамматической категории и явно недостаточно изученной по отношению к русскому и узбекскому языкам.

Английский язык является языком с грамматически оформленной категорией определённости - неопределённости (детерминативности), причем эта категория хорошо изучена [см.: 8; 24]. Однако по отношению к антропонимам, которые нами рассматриваются как комплексные наименования лиц именами собственными, категория детерминативности нуждается в доработке и детализации.

Концепция сигналов (признаков антропонимов прежде всего в тексте) разработана В. И. Болотовым, который сигналами антропонимов считает

слово, морфему или словосочетание, в пределах микроконтекста способствующие введению наименования лица в антропонимическое поле. «Сигналы имён собственных могут быть семантически опустошенными (чистыми) и семантически наполненными. Чистыми сигналами антропонимов мы называем такие сигналы, которые выполняют только одну функцию: указывают на наличие антропонимов в пределах микроконтекста» [9, с. 48].

По мнению В. И. Болотова, во многих индоевропейских языках нет чистых сигналов антропонимов. Такие сигналы есть в некоторых индейских языках, в которых различаются артикли нарицательных и собственных существительных [9, с. 517]. «Можно было бы предположить, следуя за Г. Суитом и Л. Блумфильдом, что отсутствие артикля перед антропонимами в речи и является их чистым сигналом. Однако анализ конкретного языкового материала не позволяет нам согласиться с этим мнением» [9, с. 48].

В большинстве теоретических работ, посвящённых имени собственному, указывается, что имя собственное с артиклем не употребляется. Однако у разных авторов приводятся многочисленные исключения из указанного выше положения, т.е. случаи употребления артикля с именем собственным личным. К сигналам антропонимов, сохранившим своё лексическое значение, В. И. Болотов относит «имена существительные нарицательные, обозначающие лицо, или собирательные существительные, обозначающие группу лиц, а также глаголы, характеризующие человеческую деятельность. Все эти слова и производные от них прилагательные и наречия, идентифицируя антропоним в пределах микроконтекста, сохраняют своё значение, и большинство из них может употребляться самостоятельно. Такие сигналы мы считаем семантически наполненными. Однако эта группа включает ряд сигналов антропонимов, которые частично утратили своё лексическое значение и самостоятельно (без антропонима) употребляться не могут. К ним в английском языке мы относим **Mr.**, **Mrs.**, **Dr.** (doctor) и отчасти **Miss**. Но мы не можем считать их

чистыми сигналами антропонимов, так как изменение **Mr. Brown** на **Brown** одним и тем же говорящим в одном и том же социальном поле, несомненно, предполагает изменение оценочной характеристики денотата со стороны говорящего» [9, с. 56].

Сигналы антропонимов могут изменяться в связи с тем, что имя собственное в речи не всегда определённо, т.е. не всегда называет денотат, известный для членов ситуации общения. При употреблении антропонима в качестве предмета речи возможны следующие ситуации:

1. Если денотат антропонима принадлежит к одному социальному полю с членами ситуации общения, то артикль перед антропонимом не употребляется: контекст и речевая ситуация вполне конкретизируют антропоним. Например: *We meet our old friend **Romey Thompson** in Sydney.*

2. Если денотат антропонима не принадлежит к социальному полю одного из членов ситуации общения, то возможно употребление: а) определённого артикля, если антропоним ассоциируется у одного из членов ситуации общения с несколькими индивидами, тогда определённый артикль служит дополнительным средством индивидуализации; б) неопределённого артикля, если одному из членов ситуации общения ничего не известно о денотате антропонима, например: ***A Rose Gwinn** has saved the train* (Некая (какая-то) Роза Гвинн спасла поезд. Нам известно только имя собственное лица, но не его денотат).

Иная ситуация возникает в разговоре родителей, когда ошибки относительно идентификации денотата быть не может, например: ***John** came late last night again*

Различная семантическая нагрузка антропонимов влияет на перевод артиклей с английского языка на русский и узбекский языки. Если носитель имени собственного лицо неизвестное, то на русский язык неопределённый артикль переводится обычно местоимениями **некий, какой-то**, на узбекский – **бир кимса, ал-лаким, бир киши, биров**. Если артикли указывают, что денотаты антропонимов не принадлежат к тому же

социальному полю, что и члены ситуации общения, то они переводятся так: а) определённый артикль – сочетанием **тот самый, та самая**; б) неопределённый артикль – **некий, некая**. Если артикли указывают на конситуационный переход имени собственного в имя нарицательное, то определённый артикль вообще может не переводиться, а неопределённый артикль передаётся словами **один из, одна из**; на узбекский язык соответствующими по семантике лексемами **бир, битта**.

Следует также учесть возможность и даже употребительность определённого артикля с фамилиями во множественном числе. В работе Мартина Хивинга «Advanced English grammar» рассматриваются случаи употребления или неупотребления артикля перед именами собственными. В частности, отмечается, что артикль не употребляется перед именем и фамилией известных, знаменитых людей, например: **The name of Nelson Mandela is known all over the world**. В то же время приводятся следующие позиции употребления определённого артикля:

1. При необходимости подчеркнуть, что данного человека все знают: Do they mean **the Ronald Reagon**, or someone else?

2. С прилагательными или именами существительными, обозначающими профессию: **The Aboriginal writer Sally Morgan. The wonderful actor Harrison Ford** [62, p. 122-123].

Таким образом, отсутствие артикля перед именем существительным не является в английском языке формальным показателем, сигналом антропонима. «Языковой материал современного английского языка свидетельствует о том, что сейчас **Mr.** Сохранил только одно значение - сигнала антропонима мужского рода. Отсутствие в литературном английском языке (в Англии) примеров самостоятельного употребления **Mr.**, его фиксированное положение перед антропонимом, невозможность разделения **Mr.** с антропонимом каким-либо другим словом говорит в пользу того, что мы наблюдаем в настоящее время процесс десемантизации **Mr.**» [9, с.57].

Иная картина наблюдается в американском варианте английского языка, где **Mr.** нередко используется в качестве обращения. В современном английском языке (в Англии) произошло чёткое разграничение употребления **Mrs.**, **Miss**, **Madam**. В качестве сигнала имени личного **Mrs.** употребляется, если имеется в виду замужняя женщина. Форма **Mrs.** никогда не употребляется самостоятельно, но только в качестве сигнала перед именем собственным. Номинация мужчин и женщин не вполне симметрична: если даже муж женщины занимает такое низкое положение в обществе, что перед его фамилией не ставится обычно **Mr.**, перед фамилией жены **Mrs.** ставится обязательно. **Madam** употребляется как форма вежливого обращения вместо имени. Прежде это слово обычно употреблялось слугами при их обращении к хозяйке, затем слово стало применяться в обращении к женщине любого общественного положения, подобно слову **sir**. К незамужней молодой леди слуги и люди менее знатного происхождения обращаются **Madam**.

К указанным выше сигналам антропонимов примыкает употребление **Dr.** в качестве учёной степени перед антропонимами. К семантически наполненным сигналам антропонимов относятся существительные **president**, **minister**, **counsellor** и т.п.

Таким образом, хотя в английском языке сложилась сложная, разветвлённая, почти полностью регламентированная система сигналов антропонимов, в то же время она является развивающейся, варьируемой. Эта система чрезвычайно актуальна в формировании социальных полей семьи, администрации и требует дальнейшего детального изучения.

Сигналы (признаки) антропонимов являются воплощением категории определённости неопределённости в сфере именованной лица (индивида). Часть сигналов антропонимов является общей для всех языков: в русском языке – это прилагательные, которые могут характеризовать только человека (**добрый**, **трудолюбивый**, **застенчивый**, **улыбчивый**,

предприимчивый и т.д.) и глаголы, относящиеся только к человеческой деятельности (**трудиться, читать, писать, сочинять** и т.д.).

Вследствие отсутствия грамматически выраженной категории определённости – неопределённости и, следовательно, определённого и неопределённого артиклей, в русском языке при выражении разных степеней индивидуализации лиц возрастает роль местоимений различных разрядов. Это, прежде всего, неопределённые местоимения, в том числе местоименное прилагательное **один** (не в счётной функции). В предложениях типа **Один** человек вас спрашивает; Там пришла **одна** женщина и под. роль этого местоимения близка к неопределённому артиклю, так как речь идет о лице, которое незнакомо говорящему. Однако с этим распространённым способом выражения неопределённости в русском языке не коррелирует никакой обязательный способ выражения определённости, хотя определённость часто выражается указательными местоимениями **тот, такой, этот**, причём семантика этих местоимений позволяет различить степень знакомства с объектом-антропонимом (ср.: **Тот писатель**, которого мы слушали на прошлой неделе – **Этот писатель** хорошо нам знаком – Здесь нужен **такой писатель**, который хорошо знает деревню). По отношению к именам собственным эти местоимения употребляются только в ситуации выбора: **Тот Саша**, а не **этот**. **Одна** из Ивановых уволилась. Особую роль в идентификации лиц играет местоимение **некто** (относящееся к лицу), противопоставленное местоимению **нечто** (предметной семантики) как своеобразный антропоним, т.е. местоимение-существительное одушевленное, но никогда не денотирующее животное. Оно может употребляться и самостоятельно: Жил **некто**, человек безродный, одинокий (И. А. Крылов), и в сочетании с именами собственными: **Некто Иванов** заявился с утра.

Определённую роль в выражении степени индивидуализации играет местоимение **сам**, которое выражает и хорошее знакомство с денотатом, и

подчёркивает его важность в данной ситуации общения: **Сам** Петров не смог бы справиться с этой задачей.

На наш взгляд, эти местоимения можно рассматривать как частично десемантизированные сигналы антропонимов, поскольку они не обладают достаточной номинативной точностью для полной идентификации лица, но всё же имеют большой дифференцирующий потенциал в пределах разных социальных полей и в разных ситуациях общения.

Термины родства как сигналы антропонимов в русском языке используются гораздо реже, чем в узбекском, так как конструкции типа **сестра Оля, брат Саша, муж Сережа** являются устаревшими, однако могут использоваться для передачи эмоционально окрашенной ситуации: **Родной муж Сережа** ушел к другой женщине (В. Токарева). Даже в ситуации выбора лицо скорее будет именоваться просто по имени, т.е. «**Пришли Катя и Валя**», а не «**Пришли мои сестры Катя и Валя**» (при наличии другой сестры или других сестёр). Исключения составляют лексемы **дядя, тётя, бабушка, дедушка** (в детской речи –**баба, деда**), которые обычно предшествуют личному имени.

Большую роль в индивидуализации лиц в русском языке играет категория числа, прежде всего при обозначении членов одной семьи как совокупности (**Романовы, Ивановы, Якимчуки** и т.д.), а также при обозначении тёзок: **Все Екатерины** данной группы сегодня присутствовали на занятиях. Во второй ситуации нельзя считать имя полностью десемантизированным формальным знаком любой женщины, так как речь идёт о людях одного поколения и статуса.

В узбекском языке также выделяются имена прилагательные, характеризующие только человека (**қорамағиз / смуглый, новча / рослый, ориқ / истощенный**), глаголы, относящиеся только к человеческой деятельности (**кулмоқ / смеяться/, ўйламоқ / думать, размышлять, тингламоқ / слушать, внимать, қўймоқ / ставить, класть, ёзмоқ / писать**).

Как известно, Н.А.Кононов и другие тюркологи рассматривают препозитивную лексему **бир** и постпозитивный аффикс **(-с)и** как аналоги артиклей, определённый и неопределённый [24, с. 89], однако окончательно вопрос о наличии или отсутствии в узбекском языке грамматически оформленной категории определённости - неопределённости может быть решён только после полного и системного обследования условий обязательности – необязательности их употребления и детального анализа их семантики в определённых конституциях. Тем не менее, это более обязательные, чем в русском языке, средства выражения детерминативности. Это относится и к апеллятивной лексике, связанной с обозначением лиц, и частично к антропонимам.

Определённую роль в выражении степени индивидуализации лиц в узбекском языке играют указательные и определительные местоимения и частицы: **бу, шу, ушбу** /это/, **у** /тот/, **ана у** /вон тот/, **худди ўзи** /он самый/, **(мен) узим** /(я) сам/, **хар бир** /каждый/, **хамма** /весь, все/ и т.д.

Своеобразными сигналами антропонимов в узбекском языке являются постпозитивные аффиксы **-жон** и **-хон**, которые соединяются только с наименованиями человека и обозначают одновременно вежливость и определённую степень близости говорящего к именуемому (**Азизжон, Саёрахон**). Однако иногда эти аффиксы включаются в паспортное имя.

В узбекском языке гораздо более существенны в общении и точны в детализации, чем в русском, обозначения степени родства, например, **опа** /старшая сестра/, **сингил** /младшая сестра/, **ака** /старший брат/, **ука** /младший брат/, **амаки** /дядя по отцу/, **хола** /тетя по матери/ и мн. др. Термины родства могут даже превращаться в своеобразные постпозитивные аффиксы, соединяясь с именем собственным, причем в чрезвычайно «этикетном» узбекском языке они являются практически обязательными и могут обозначать не только реальное родство, а нередко бывают формулами вежливости и обращения к старшим по возрасту или

по должности: **Нодира-опа**, **Турсун-ака** и т.д. Эти сигналы антропонимов совершенно своеобразны по отношению как к английскому, так и к русскому языку.

Необходимо подчеркнуть, что категория принадлежности является в узбекском языке грамматической и употребительна прежде всего по отношению к терминам родства: **акам** /мой старший брат/, **уканг** /твой младший брат/, **опаси** /его старшая сестра/ и т.д. Данная категория, безусловно, входит в число системных признаков антропонимов узбекского языка.

Признаки названий лиц в каждом из рассматриваемых языков тесно взаимодействуют с определёнными формулами, которые сложились в течение веков и отражают исторические, культурные и религиозные традиции данных этносов.

Английская антропонимическая формула является принципиально двучленной (имя + фамилия), несмотря на возможное наличие второго имени или большего числа личных имен.

Русская антропонимическая формула является принципиально трехчленной (имя + отчество + фамилия).

Для узбекского языка трёхчленная антропонимическая формула является строго официальной, а в пределах разных социальных полей исторически навязанный элемент этой формулы – отчество, используется в гораздо меньшей степени, чем в русском языке. Необходимо отметить определённую тенденцию к отказу от отчества или второго инициала, как и от русских фамилиеобразующих аффиксов: например, наряду с **Ибрагим Салимович Салимов –Ибрагим Салим**.

В среде англоговорящих народов наблюдается тенденция упрощения формул именованья и перехода на обращение в основном по личному имени. Универсальной формулой именованья в настоящее время является фамилия, причем социальная функция фамилии взаимодействует с её собственно языковой природой. Современные ономастические подсистемы языка и

антропонимические формулы, которые складываются в течение многих веков, являются частью языковых картин мира. К их изучению применимы те же параметры, что и к апеллятивной лексике: семантика, синтактика и прагматика.

2.2. Значения вертикальной линии наименований лиц

К значениям вертикальной линии родства относятся «отец», «мать», «дед», «бабушка», «дети», «дитя», «сын», «дочь», «внук», «внучка», «правнук», «правнучка» и т. п. Определены формы выражения каждого из этих значений, употребительность их вариантов и инвариантов.

1.1. Значение «дед». В узбекском языке значение "дед" передается через слова **бобо**, **бува**, в диалектах – **ота**, **катта ота** и др. Среди них наиболее употребительной является лексема **бобо**, являющаяся нормой литературного языка. Подобно английскому и русскому языку, в узбекском языке значения "дед по линии отца" и "дед по линии матери" формально не различаются, они выражаются одной и той же лексемой – **бобо**. В литературном языке одновременно употребляются **бобо** и **бува**. Существует мнение, что в узбекском языке **бобо** используется для обозначения "деда по линии отца", **бува** - "деда по линии матери", но в речи эти различия практически отсутствуют.

В классическом литературном языке в значении "дед" употребляются лексемы, которые носят характер заимствованных, например, **аждод** – слово арабского происхождения, является синонимом парного слова **ота-боболар**. В отдельных лексикографических источниках в данном значении встречаются формы **жадди** в значении "отец отца и матери", "дед", жадди в значении "предки", "давние предки" Термин "бобо", благодаря отдельным признакам его семантической структуры, объединяется в составе формирования функционально-семантических микросистем с другими терминами родства с определенными инвариантными значениями.

В английском и русском языках в значении «дед», «дедушка» употребляются слова **grandfather, granddad, grandpa; дедушка**. При этом значения «дед по линии отца» и «дед по линии матери» не дифференцируются и выражаются одной и той же лексемой – **grandfather; дедушка**.

В отличие от русского языка, в большинстве случаев в английском и узбекском языках (диалектах) значение "дед по линии отца" выражается через **grandfather/ота**, что связано с определенными социальными условиями. Дети называют своих дедов посредством термина **grandfather/ота** тогда, когда они к своим родным отцам обращаются через **elder brother - ака, дада**.

Слова-термины английского **forefathers**, узбекского **етти ота** семантически подчиняются терминам английского **grandparents**, узбекского **ота-боболар** "предки". Кроме этого, в английском языке имеются слова-термины **posterity, ancestors** со значением "предок", а в русском языке – **прадед**. Несколько слов о генезисе термина **баба**. Э В Севортян утверждает, что лексическая основа данного термина не связана с исконно тюркско-монгольскими языками, что подтверждается его распространенностью в ряде языков других семей. Например, в персидском **baba** – "отец", "папа", "дед", "глава", в итальянском языке – **babbo** "отец", "папа", в осетинском – **baba** "дедушка" и др. [53, с. 13].

В узбекском и английском языках лексемы со значением «дед» образуют ряд ФСМС.

Значение "бабушка".

Значение "бабушка" – одно из широко распространенных значений в тюркских языках.

В узбекском языке значение "бабушка" как инвариантная семантическая единица имеет литературную форму **буви**, которая обозначает "бабушка по линии отца" и "бабушка по линии матери" В качестве гиперонима выступает лексема **буви** с инвариантным значением

"бабушка", в качестве гипонимов – словосочетания со значением "бабушка по линии отца" (отанинг ва дадаининг ойиси ва онаси) и "бабушка по линии матери" (ойининг ва онанинг ойиси ва онаси).

В английском и русском языках значения "бабушка по линии отца" и "бабушка по линии матери" выражаются одной и той же лексемой – соответственно **grandmother** и **бабушка**.

В английском языке употребляются некоторые слова, например, **old woman, crone** со значением "старуха", в большинстве случаев они совпадают со значением "бабушка". Однако семантическая структура перечисленных слов намного сложнее семантической структуры термина **grandmother** "бабушка по линии матери".

Сложность семантических структур слов **old woman, crone** объясняется тем, что в них нейтрализованы дифференциальные семантические признаки "по линии отца и матери". Поэтому при употреблении этих слов не имеет значения, к кому относится "бабушка". Таким образом, эти лексемы ближе к словам, а не к терминам.

Доминантой для синонимического ряда **grandmother, old woman, crone**, является термин **grandmother**.

Значение "отец"

Значение «родной отец» в современном узбекском литературном языке выражается терминами **ота, дада, падар**. В классическом литературном языке встречаются и слова **аб, джазира, вочад**, которые имеют значение «отец». В отдельных диалектах узбекского языка значение «отец» выражается и через формы **ота, ада**.

В узбекском литературном языке фонетический вариант "ота" является основным по отношению к другим фонетическим, а также лексическим ее вариантам. В этом отношении **ота** соответствует английскому эквиваленту **father**. В узбекском языке **ота**, а в английском **father** являются доминантами по отношению к другим членам синонимического ряда, инвариантным значением которого является **ота**

(родной отец). Сходство между английскими и узбекскими эквивалентами **father** и **ота** заключается в том, что оба они употребляются и в значении "кровного родства" прямой линии. Кроме того, оба они используются в функции формы почтительного обращения к мужчинам пожилого возраста, как знак уважения.

По наличию и отсутствию признака кровного родства в семантической структуре термин **father – папа – ома** делится на две группы а) **father – папа – ома** "кровный отец" б) **father – папа – ома** "некровный отец – отчим".

Слово-термин **father – папа – ома** со значением "родной отец" входит в супплетивно-гетеронимическую связь с другими словами-терминами, имеющими значение кровного родства, и образуют своеобразные функционально-семантические микросистемы (ФСМС).

Общие признаки различительные признаки семантических структур компонентов ФСМС в рассматриваемых языках заключаются в следующем:

1) "отец" и "дед" ота-бобо ancestor естественный род, родитель степень возраста, степень и характер родства;

2) "отец" и "бабушка" ота-буви "father" and "grandmother" родитель естественный род, степень возраста, степень и характер родства;

3) "отец и мать" ота-она "father" and "mothei", parents родитель естественный род, социальное положение;

4) "отец" и "дядя" ота-амаки "father" and "uncle" естественный род степень возраста, степень и характер родства

5) "отец" и "тетя" ота-амма "father" and "aunt" кровный родственник естественный род, степень возраста, степень и характер родства;

6) "отец" и "сын" ота-ўғил father and son естественный род, кровное родство степень возраста, социальное положение.

Значение "мать"

Значение "родная мать" является одной из основных единиц семантического плана вертикального родства, которое в языках разного грамматического строя выражается разными лексическими средствами. Например, в узбекском – **она**, в английском – **mother**, в русском – **мать**. Как известно, узбекский язык относится к тюркской группе алтайской макросемьи языков агглютинативного строя.

Значение «родная мать» в узбекском литературном языке передается посредством слова **она**, а в диалектах – **она, ойи, ая, оя, бува, опа** и т.п.

В английском литературном языке значение «родная мать» передаётся словом **mother**, а в его диалектах – посредством **mammy, mamma**.

Доминантой синонимических лексических единиц в инвариантном значении «родная мать» в узбекском литературном языке является **она**, что соответствует в английском литературном языке лексеме **mother**, в русском – **мать**. Для этих названий – **она** в узбекском, **mother** в английском и **мать** в русском языках – характерна многозначность.

В английском языке слово **mother** с разными значениями образует несколько синонимических рядов. Например, в значении «родная мать» оно является членом синонимического ряда **mamma, mummy, mammy**, в значении «foster mother» - «приёмная мать», **nursing mother** со значением «кормящая мать» и т.д.

Доминанта синонимического ряда названий родства узбекского термина **она**, английского **mother** в значении «родная мать» вместе с другими словами-названиями родства (вертикальной и неvertикальной линии) образует несколько семантических микросистем. Например:

- 1) узбекский **она-ота** // английский **mother-father**, русский **отец-мать**;
- 2) узбекский **она-бола** // английский **mother-child**, русский **мать-ребёнок**;
- 3) узбекский **она-опа-хола** // английский **mother-sister –aunt**, русский **мать-сестра-тётя**;

- 4) узбекский **она-тоға** // английский **mother-uncle**, русский **мать-дядя**;
- 5) узбекский **она-қайнона** // английский **mother-mother-in-law**, русский **мать-свекровь**;
- 6) узбекский **она-қайнота** // английский **mother-father-in-law**, русский **мать-тёща**.

Значение "дети", "дитя"

В узбекском языке в значении "дети", "дитя" употребляются в основном лексемы **бола**, **фарзанд**, последний из которых является заимствованием из таджикско-персидского языка. Кроме того, в узбекском языке используются такие лексемы, которые генетически восходят к арабскому языку, например, **зурриёт**, **зод**.

В английском языке это значение передается посредством слов **children**, **child**, **kid**. При ласкательном обращении родителей к своим детям употребляются слова **тойчоғим** ("мой жеребенок"), **чироғим** ("мой светик"), **овуичоғим** ("моя утеха"), **отам** ("мой папа"), **онам//энам** ("моя мама"), которые обозначают "дети", "дитя".

Неодинаковыми являются и семантические структуры терминов **child** – **бола** и **фарзанд** по отношению к признаку естественного рода. В семантической структуре **фарзанд** более нейтрализованными представляются признаки естественного рода "мужской пол", "женский пол", чем семантическая структура **child** – **бола**.

В семантической структуре данного английского термина родства (гиперонима) **child** – **бола** совмещены значения двух гипонимов 1) **son**–**ўғил** «сын», «мальчик», 2) **daughter** – «дочь», которые являются переплетенными, «просочившимися» в семантическую структуру других синонимических его эквивалентов (наблюдается нейтрализация признаком различия пола в их семантических структурах).

Следует отметить, что в отдельных случаях имеет место ослабление признака естественного пола в семантической структуре **child** – **бола**. В

такой ситуации значения "мальчик", "сын", "дочь", "девочка" выражаются описательным способом – через словосочетания, в составе которых имеются слова **son** – ўғил, **male** – эркак, **daughter** – қиз бола, **child** – бола "мальчик", "сын", **daughter** – қиз бола "дочь", "девочка".

Значение «сын»

Одним из наиболее распространенных словарных значений терминов родства вертикальной линии является значение «сын», которое в узбекском языке выражается лексемой **ўғил**, а в английском – **son**.

В семантическом строении термина **ўғил/son** господствует признак «принадлежность к мужскому полу». По данному признаку **ўғил/son** приобретает гиперонимический статус. Отсюда следует вывод, что **ўғил/son** является функционально-семантической единицей со сложной структурой системы терминов родства.

Сложность функционально-семантической структуры характеризуется тем, что в ней переплетены признаки гипонимов и гиперонимов одновременно, т.е. представлены синкретично, и они имеют самостоятельное функционирование независимо друг от друга.

Значение «дочь»

Одно из других наиболее распространенных значений терминов родства вертикальной линии - это значение «дочь», «девочка», которое противостоит значению «сын», «мальчик», в английском языке оно выражается лексической формой **daughter**, а в узбекском – **қиз**.

В языке классической узбекской художественной литературы зафиксированы заимствованные из других языков слова, значения которых близки к значениям **daughter/қиз**.

В современном английском языке лексема **daughter** является многозначной и многофункциональной. Кроме значения «дочь», она имеет ряд других значений, например **girl** «девушка», **lass** «девица» (АРС 1976).

Таким образом, узбекский и английский языки, хотя и отличаются друг от друга по генетическому происхождению и грамматическому строю, тем не менее, характеризуются семантическим сходством отдельных лексических единиц, что подтверждается содержательным планом отдельных терминов родства.

Значение "внук", "внучка", "правнук", "правнучка"

В узбекском языке в значении "внук, внучка" употребляется термин **набира//невара**, который совпадает со значениями словосочетаний **ўғилнинг ўғли** – "сын по сыну", **ўғилнинг қизи** – "дочь по сыну".

Сложность семантических структур терминов **grandson-granddaughter** // **набира** и последующих за ними заключается в том, что в них в совмещенном виде сосуществуют значения и других терминов родства, например, значения "родители", "дети", "внуки" и т. п. Следует отметить, что значения "пра-пра внуков", "пра-пра внучек" определяются по отношению к значениям "пра-пра дедов", "пра-пра бабушек". Значения «пра пра дед» и «пра-пра-внук», «пра-пра-бабушка» и «пра-пра-внучка (внук)» объединяются в рамках одних и тех же классов (архисем).

Семантическая структура термина **grandson-granddaughter** // **набира** с господствующим значением «сын сына или дочери», «дочь сына или дочери» ("внук", "внучка") и соответствующего ему в гетеронимическом отношении термина **grandfather/бобо** с господствующим значением «отец отца или матери» представляет собой сложное иерархическое строение.

2.3. Значения горизонтальной линии наименований лиц

К терминам со значением горизонтальной линии названий лиц относятся значения «братья», «сестры», «дядя по линии отца и матери» «тетя по линии отца и матери», «дети родных братьев и сестер».

Значение "братья"

Семантический состав понятия "братья" имеет характер сложную строения, в нем существуют значения "старший брат" и "младший брат"

Значение "братья" в английском языке передается через парное слово **elder brother** и **little brother, younger brother, brothers**, в узбекском - через **оға-ини** и **ака-ука**.

Понятие «братья» состоит из трех семантических групп: 1) "братья, происшедшие от одних родителей", 2) "братья, происшедшие от одного отца, разных матерей", 3) "братья, происшедшие от одной матери, разных отцов".

Семантическая структура **оға-ини, ака-ука/Ibi others** отличается от семантических структур **ака //elder brother**"старший брат" и **little brother//ука** "младший брат".**Оға-ини, ака-ука//brothers** "братья" имеет статус гиперонима по отношению к терминам **elder brother// ака** "старший брат", **little biothei // ука** "младший брат".

Так, в английском языке в значении "братья, происшедшие от одних родителей", употребляется термин **consanguinity, kindred** "кровный родственник", "родной", "единоутробный", "единокровный". Данное значение в узбекском языке передается посредством слова **туғишган**.

Значение "дети, происходящие от одной матери, разных отцов" в изучаемых языках выражается описательным способом - словосочетанием, одним из его компонентов является слово **ўгай ўғил/ step son** - "неродной сын", "сводный".

Следует отметить, что слова в трех значениях безразлично употребляются по отношению к лицам мужского и женского полов в их семантической структуре признак естественного рода нейтрализуется

Значение "старший брат"

В английском языке значение "старший брат" выражается посредством сочетания **elder brother**, которое может распространяться за счет включения

местоимения **tu** **elder brother** "мой старший брат". В узбекском языке значение "старший брат" выражается лексемами **ака** и **ога**.

Значение "младший брат"

В английском языке в значении «младший брат» употребляется словосочетание **younger brother**, которое в некоторых случаях выступает для обозначения и «племянника»

В значении "младший брат" в узбекском языке употребляются два слова **ука** и **ини**, из них первое – широкоупотребительное. Подобно другим терминам родства, **ука** является многозначным, многофункциональным термином, что наблюдается при различных речевых его реализациях.

Значение "сёстры"

"Сестра" является значением инвариантного характера, которое, в свою очередь, состоит из трех самостоятельных семантических компонентов, каждый из них имеет форму своего выражения. К ним относятся 1) "сестра" (инвариантное), 2) "старшая сестра", 3) "младшая сестра".

Значение «сестра» в английском языке выражается лексемами **elder** - «старшая сестра», **little sister/younger sister** – «младшая сестра» В семантическом строении этих терминов одновременно сосуществуют значения «старшая сестра» и «младшая сестра», в них господствует признак «женский пол».

Значения "старшая сестра", "младшая сестра" и вместе взятое "сестры" в узбекском языке передаются посредством парных слов **опа-сингил, эгачи-сингил, опа-ука** "дочери разных возрастов одних родителей".

Значение "старшая сестра"

В современном английском языке в значении «старшая сестра» употребляется словосочетание **elder sister**.

В современном узбекском языке в значении "старшая сестра" широко и однозначно употребляется **она**, в диалектах - апа, она, ойи, аба, эгачи и т.

Семантическая структура **она** в английском **elder sister** сложна и ней сосуществуют три самостоятельных ее значения 1)"старшая сестра старше всех других старших сестер", 2) "старшая сестра, младше самых старших, старше других старших", 3) "старшая сестра, старше адресанта речи, младше всех других старших сестер".

Значение "старшая сестра, старше всех других старших сестер" в узбекском и английском языках передается посредством описательного способа – словосочетанием, в составе которого участвуют лексемы **катта** л/г **катта** "большой", "старший", "самый большой", "самый старший" в английском языке - **older, elder, older sister**.

Функционально-семантическое строение термина **ўртанча она(м) // my second sister** наиболее сложное по сравнению с функционально-семантическим строением терминов **катта она// my elder sister, кичик она(м), my little sister**. В нем присутствуют три самостоятельных значения 1)"старший", "большой, 2) "младший", "маленький", 3) «средний» среди которых приоритетное место принадлежит значению "средний".

Значение "младшая сестра"

В современном английском языке значение «младшая сестра» выражается посредством слова **little sister, kid sister**, в разговорной речи выражение **my kid sister** – «моя младшая сестра».

В узбекском языке в значении "младшая сестра" употребляются слова (сингил) **My, sister**, в некоторых его диалектах и **қариндош**.

Термины родства со значением «младшая сестра» английского и узбекского языков в функционально-семантическом отношении не совпадают друг с другом узбекские термины со значением "младшая сестра" функционально намного активнее английского термина со значением "младшая сестра". Например, **сингил** в узбекском языке употребляется и по

отношению к старшим сестрам, посредством этого термина также называются и младшие сестры со стороны старших братьев и старших сестёр, что неприемлемо для английского термина **my little sister**.

Значение "дядя"

В экстралингвистическо-денотативном плане значению русского "дядя" в некоторых случаях соответствует 1) "родной брат отца (дядя по линии отца)", 2) "родной брат матери (дядя по линии матери)".

В литературном узбекском языке в значении "дядя по линии отца" употребляется термин родства **амаки**. В диалектах данное значение передается посредством различных лексем, например, **ака**, **оға** (если младше отца), **бобо** (если старше отца) и т.д.

В современном английском языке для значения «дядя по линии отца» и «дядя по линии матери» употребляется лексема **uncle** (father 's brothers), (брат-отцы) и **uncle** (mothci 's hiothei), (брат матери) что является также формой обращения к пожилому человеку, а в диалектах (разговорной речи) выражается посредством лексем **Mista**, в детской речи выражается словами **man** и **men**.

Значение "тётя"

Значение "тётя" как инвариантная семантическая единица состоит из значений "тетя по линии отца" и "тетя по линии матери". "Тетя по линии отца" в узбекском языке передается через лексему **амма**, в английском – **aunt**, **aunt onthemother**, "тетя по линии матери" в узбекском языке выражается лексемой **оча**, в английском - **maternal aunt**

Значение "дети родных братьев и сестёр"

Структура функционально-семантических микросистем терминов родства со значением "кровные родственники – дети родных братьев и

сестер" состоит из семантических компонентов "сын" и "дочь", родители которых являются братьями и сестрами по отношению друг к другу

Эти структуры обладают рядом конкретных вариантов, к которым относятся 1) ФСМС со значением "дети родных братьев", 2) ФСМС со значением "дети родных сестер", 3) ФСМС со значением "дети родных братьев и сестер" [Севортян, 1968, с. 64].

Значения "двоюродный брат" и "двоюродная сестра" входят в состав разных ФСМС 1)"сыновья родных братьев", 2)"дочери родных братьев", 3)"сыновья родных сестер", 4)"дочери родных сестер".

В литературном узбекском языке значения "двоюродный брат" "двоюродная сестра" и их семантические варианты выражаются при помощи разных словарных единиц, обычно они передаются через слова южных диалектов, в их морфемном составе присутствуют компоненты со значением "дядя по линии отца", "дядя по линии матери", "тетя по линии отца", "тетя по линии матери" – **амаки, тоға, амма, хола, амакивачча** – "двоюродный брат//двоюродная сестра по линии отца" – "сын//дочь ровного брата отца", **тоғавачча** – "двоюродный брат по линии отца – сын тети по линии отца, двоюродная сестра по линии матери" – "сын, дочь тети по линии матери" и т.д.

Значения "двоюродный брат", "двоюродная сестра" в английском языке передаются через единицу **cousin** (fiot falliei 's side) – **cousin** (fioiii mother's side).

Значение "дети родных братьев" в английском языке передается через термины **cousin** (from father's side) – **cousin** (from mother's side).

В семантическом строении функционально-семантической микросистемы терминов родства со значением "родственное отношение между детьми родных братьев" находится три компонента 1) "дети одного брата", 2) "дети другого брата", 3) "отцы детей". Первый и второй семантические компоненты ФСМС выражаются одним и тем же термином английским **cousin** и узбекским **амакивачча**. Значение ФСМС "родственное

отношение между детьми родных братьев" является инвариантным и имеет несколько конкретных вариантов 1) "сыновья родных братьев", 2) "дочери родных братьев", 3) "сыновья и дочери родных братьев". Значения семантических компонентов "двоюродные братья по линии отца", "двоюродные сестры по линии отца" в английском языке передаются через термины **cousin**(from fathei 's side) – **cousin** (fiot molliei 's side), а в узбекском языке посредством описательного способа – словосочетанием, в качестве одного из компонентов которого выступают слова **ўғил, қиз,ўғил амакиваччам, қиз амакиваччам** ("сын моего дяди по линии отца", "дочь моею дяди по линии отца").

Выводы по второй главе

Признаки названий лиц в каждом из рассматриваемых языков тесно взаимодействуют с определёнными формулами, которые сложились в течение веков и отражают исторические, культурные и религиозные традиции данных этносов.

Термины кровного родства английского, русского и узбекского языков делятся на две группы: по вертикальной линии и по горизонтальной линии.

К терминам вертикальной линии родства относятся лексемы англ. **Mother**(рус.мать,узб. она); **father** (рус. отец, узб. ота), **son** (рус. сын, узб. ўғил), **daughter** (рус. дочь, узб. қиз) **grandfather** (рус. дедушка, узб. бобо) «дед по линии отца», «дед по линии матери», **grandmother** (рус. бабушка, узб. момо) «бабушка по линии отца», «бабушка по линии матери».

К терминам горизонтальной линии родства относятся лексемы англ. **younger brother** (рус. брат, узб. ака) «старший брат», **little brother** (рус. братишка, узб. ука) «младший брат», **younger sister** (рус. сестра, узб. опа) "старшая сестра", **little sister** (рус. сестрёнка, узб. сингил) "младшая сестра", **uncle** (рус. дядя, узб. амаки) «дядя по линии отца», **uncle** (рус. дядя, узб. тоға) «дядя по линии матери», **aunt** (рус. тётя, узб. амма) «тетя по линии отца», **aunt** (рус. тётя, узб. хола) "тетя по линии матери".

ГЛАВА 3

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Классификация имен существительных со значением лиц

Исследователи неоднократно отмечали как недостаток современных толковых словарей непоследовательность отражения в них системности словарного состава, отсутствие унифицированных описаний семантически близких слов. Определяя причины этих недостатков, В. В. Виноградов писал, что объясняются они, с одной стороны, сложностью самого объекта описания, необходимостью дальнейшего углубленного исследования «семантической системы ... языка в целом и в отдельных ее структурных элементах и компонентах», а с другой стороны, существующей техникой лексикографической работы, при которой редакторы и составители словаря вынуждены работать с алфавитным списком, «от слова к слову, по соседству», а не с систематизированным словником; он подчеркивал необходимость учитывать при лексикографической обработке слов их соотношения и связи с семантически близкими словами и лексическими группами: это будет способствовать устранению недостатков и ошибок в дифференциации значений слов и их оттенков, в их семантической характеристике [12].

В работах, посвященных вопросам унификации лексикографических квалификаций семантически близких слов, предлагались возможные пути решения: выделение тематических или лексико-семантических групп, выявление основных типов словарных описаний входящих в них слов и существующих расхождений в этих описаниях, определение способов преодоления выявленных расхождений путем разработки однотипных определений (моделей) для тех или иных групп лексики.

Тем не менее, задача выработки научно обоснованных унификаций лексикографических характеристик семантически близких слов продолжает оставаться актуальной.

Преодоление сложившегося положения исследователи видят в создании научно обоснованной классификации лексики, отражающей ее внутреннюю

иерархическую организацию и основанной на таких принципах, которые позволили бы сгруппировать и поставить рядом слова, требующие идентичных лексикографических квалификаций.

В нашей диссертационной работе предпринята попытка выработать принципы построения такой классификации на материале имен существительных со значением лица – достаточно широкого и семантически своеобразного участка английской, русской и узбекской лексической системы: наименования лица характеризуются «семантической двойственностью, возникающей вследствие того, что данные имена устойчиво ассоциируются с действиями, поступками, поведением их носителей, отражают в своем значении разные стороны человеческого бытия». За единицу принимается «семема», т. е. отдельное значение многозначного слова или слово в целом, если оно однозначно. Наименования лица вычленяются из состава конкретной лексики на основании общего признака «название человека». В этот же класс включаются и названия вымышленных человекоподобных существ, мифологических, религиозных образов, сказочных персонажей; это, с одной стороны, слова типа **demon** (evilspirit) – злой дух – **ажина**, **waterdemon** – водяной – сув алвастиси, **woodgoblin** – пеший – **пиёда**, **mermaid** – русалка – сув париси, **satan** – сатана – шайгон, с другой – наименования типа **hero** – герой – **кахрамон** («главное действующее лицо литературных произведений»), **hero (hercules)** – богатырь – пахлавон («герой былин, совершающий воинские подвига»), **personage** – персонаж – **кахрамон** («действующее лицо в литературном произведении»), **clown** – арлекин – **масхарабоз** («традиционный персонаж итальянской "комедии масок"»).

Основанием для включения этих слов в класс наименований лица служат их языковые характеристики. Названия типа **mermaid** – русалка – сув париси, **woodgoblin** – пеший – **пиёда** наряду с названиями человека они означают «существо способное к мышлению»; они противопоставлены по признаку пола (**oldwitch** – баба-яга – шаддод хотин, **father Christmas** – дедмороз – қорбобо, **magician** – волшебник – **сеҳрап**, волшебница – **сеҳрап**), их валентностные свойства совпадают с валентностными свойствами реальных лиц. Слова типа **hero** – герой –

қахрамон, personage – персонаж – қахрамон, кроме того, включают в свое значение элемент «действующее лицо», который объединяет их в один класс с названиями реальных лиц и определяет общность их языковых характеристик

Семантическая структура слов, обозначающих соотносительные понятия, разрабатывается по-разному. Например, слов **man – мужчина – эркак** представлено как однозначное: «взрослый человек, лицо, противоположное женщине по полу», а в словах **woman – женщина – аёл** соотносительные понятия расчленены и представлены двумя значениями: «1. Лицо, противоположное мужчине по полу; та, которая рождает детей. 2. Взрослая, в отличие от девочки, девушки».

Полнота отражения элементов значения в толкованиях различна. Например, в толковании существительных **fiancee, bride – невеста – унашиб қўйилган киз** отражена возрастная характеристика: «достигшая возраста, при котором можно вступать в брак», а в толковании слов **groom – жених – қуёв** этот элемент значения не отражен, в словах **girl – девушка – вояга етган киз** выделяется значение «обращение к молодой женщине», а в словах **youth – юноша – ёш йигит** этот смысловой элемент не отражен. В толкования слов – названий титулов, рангов, чинов (**baron – барон – барон, assistant professor – доцент – доцент, warrant officer – мичман – мичмани под.**) последовательно включается элемент «и лицо, имеющее этот титул (чин, звание)», а в толкованиях слов **policeman – городской – миршаб, grandmaster – гроссмейстер – гроссмейстер, padishah – падишах – подишоҳ, warder – стражник – қоровул** он отсутствует.

Подача субстантивированных прилагательных со значением лица непоследовательна: они даются в двуязычных словарях то как иллюстрация к соответствующему прилагательному (**sick(ill) – больной – касал, dear – дорогой – қимматли, dear – милый – азиз**), то как самостоятельное значение, выделяемое в прилагательном (**steering – рулевой – рулчи**), то как отдельное слово (**messenger – связной – алоқачи**).

Образные употребления семантически близких слов также отражаются непоследовательно: например, в статью **demon – бес – ажина** образные

употребления не включаются, в статье **devi** – дьявол – шайтон дается несколько иллюстраций образных употреблений, а в статье **devil, deuce** – черт – жин употребления в образных выражениях представлены достаточно полно.

Нет последовательности в подаче существительных с кодификационными суффиксами уменьшительности и детскости; например, слово **imp** – дьяволенок – зумраша представлено самостоятельной словарной статьей, **impra** – бесенок – тирранча и **imp** – чертенок – шайтонча помещены с пометой «уменьш.» в гнездо под основными словами.

Отмеченные расхождения, безусловно, нежелательные для словаря, имеют языковые объяснения. Так, в описании слов **man** – мужчина – эркак и **woman** – женщина – аёл принципиально возможны оба способа разработки их семантической структуры: очевидно, что приведенное выше толкование слов **man** – мужчина – эркак включает в себя необходимые элементы его значения.

В частности, в русском языке отсутствие в толковании слова **youth** – юноша элемента «обращение к молодому мужчине» объясняется тем, что в современном языке в этом значении чаще употребляется сочетание.

3.2. Семантический анализ имен существительных со значением

лиц

Имена существительные со значением лица неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Работы, в которых класс наименований лица исследуется с точки зрения содержания составляющих его членов, можно разделить на два круга. С одной стороны, это работы, посвященные анализу семантических свойств отдельных лексических группировок в аспекте их соотношения с формальными средствами выражения; с другой стороны, – работы, посвященные семантическому анализу различных лексико-семантических групп слов в аспекте выявления их внутрисистемных отношений. Так, на материале отдельных лексико-семантических групп наименований лица разрабатывались положения об уровне организации лексической системы, о строении отдельного лексического значения, об использовании метода компонентного анализа применительно к конкретным

существительным. Назывались признаки, на основании которых может быть определена тематическая организация класса наименований лица: «род занятий», «принадлежность к общественным группировкам», «участие в чём-л.», «национальная принадлежность», «место жительства», «внутренние качества», «личные отношения», «социальное положение», «имущественное положение», «возраст», «брачные отношения», «внешние особенности», «родственные отношения» и др. Хотя в исследованиях, посвященных изучению существительных со значением лица, и не было выработано общей лексической классификации этого класса слов, тем не менее, в них определился общий принцип, который может быть положен в основу построения такой классификации: от наиболее общих классов – к классам более конкретным, к лексическим группам и подгруппам. Такой подход определяется, прежде всего, тем, что современные методы исследования лексической семантики позволяют подойти к анализу значения слова как к сложному единству, комплексу элементарных семантических признаков, но которым слова могут объединяться или противопоставляться друг другу.

Применительно к названиям лица эти признаки выявляются как абстрагированные свойства лица и могут быть сгруппированы в два больших класса: признаки общие и индивидуализирующие. Общие признаки служат для объединения единиц в класс и соотнесения его с другими словесными группировками внутри лексической системы в целом; это признак предметности (включающий названия лица в категорию имени существительного), признак конкретности (вводящий эти слова в группу конкретных имен существительных) и признак лица (формирующий тематическую группу «наименования лица»). Индивидуализирующие признаки служат для выделения различных группировок внутри класса и соотнесения их между собой. Например, в словах типа **cooper** – **бондарь** – **бочкасоз**, **potter** – **горшечник** – **кулол**, **potter** – **гончар** – **кулол** последовательно выделяются индивидуализирующие признаки: 1) деятельности; 2) трудовой деятельности; 3) квалифицированной производственной деятельности; 4) деятельности, создающей продукты производства. Все эти признаки для слов типа **cooper** – **бондарь** – **бочкасоз**, **potter** – **горшечник** – **кулол**, **potter** – **гончар** – **кулол**

являются объединяющими; противопоставляются же эти слова по наиболее конкретизированному – пятому признаку – по виду продуктов производства.

Общие признаки определяют положение слов со значением лица в лексической системе языка в целом, но оказываются иррелевантными при построении классификации, отражающей внутреннюю иерархическую организацию именно данного лексического класса. Конкретный анализ и детальная классификация должны осуществляться путем соотнесения друг с другом индивидуализирующих признаков, полученных в результате расчленения и последовательного сужения смысловых элементов слова.

Известно, что структурная организация лексико-семантической системы характеризуется последовательным включением слов нижестоящего уровня абстракции в вышестоящий. Следовательно, классификация слов со значением лица как определенного участка этой системы должна отражать основную характеристику системы и строиться на принципах «ступенчатости» и «инклюзивности».

Лексический класс слов со значением лица достаточно широк и включает в себя группы слов, связанных различными видами семантических отношений. С одной стороны, это узкие группировки, члены которых могут быть противопоставлены друг другу по одному вполне конкретизированному семантическому признаку (например, наименования лиц по полу, возрасту: **man** – **мужчина** - **женщина**, **old man** – **старик** - **юноша**). С другой стороны, это широкие группировки, члены которых не имеют такой семантической противопоставленности (например, наименования лиц по социальному состоянию: **bankrupt** – **банкрот** – **инкироз**, **factory owner (millowner)** – **заводчик** – **заводчи бой**). Тем не менее, и такие широкие объединения слов «не осуществляются вне тех рамок, которые устанавливаются языком, а соответственно в той или иной мере определяются общим характером семантических отношений, свойственных данному конкретному языку». Поэтому изучение существительных со значением лица не может быть ограничено только анализом отношений, возникающих в группировках первого типа. При построении классификации следует исходить из

учета всех существующих в лексическом классе семантических отношений между его членами.

Избранный путь построения классификации – от выделения тематических классов – к тематическим подклассам, с дальнейшим вычленением лексико-семантических групп и рядов слов разной степени обобщенности, связанных отношениями противопоставления, ступенчатого соподчинения и обратного включения позволяет выявить и соотнести между собой все такие группировки. При этом классификация естественно достигает такой ступени членения, на которой оказывается возможным выделить ряды слов, характеризующиеся не только общностью индивидуализирующих семантических признаков, но и общими валентностными и деривационными характеристиками.

На основании изложенных принципов нами получена следующая классификация русских наименований лица. На первом шаге классификации выделяются два неравных по объему тематических класса, противопоставляемых на основании различий в их референтной отнесенности: тематическому классу **А** «названия реальных лиц», члены которого характеризуются отнесенностью к объектам реальной действительности, противопоставляется класс **Б** – «названия существ человекоподобных, мифологических, вымышленных, сказочных персонажей», для которых предметом обозначения является конструируемый образ несуществующего объекта.

Особый характер референтной отнесенности слов класса **Б** определяет собою и тот весьма существенный факт, что, не представляя класса реальных объектов, эти слова не организуются в иерархически организованные подклассы.

Характерными семантическими свойствами слов класса **Б** является отсутствие родовидовых связей между словами, широко распространенных в классе **А**, а также тенденция к образованию специфических переносных оценочных значений, например: **Hercules (hero)** – **богатырь** – **пахлавон** «герой, совершающий воинские подвиги» и «перен. человек безмерной силы, стойкости, отваги»; **witch (vigaro)** – **ведьма** – **ялмоғиз** «в старых народных поверьях: колдунья» и «перен. о злой, сварливой женщине»; **begoyim**.

(**bugbear**) – **бука** – **олабўжи** «фантастическое существо, которым пугают детей» и «перен. нелюдимый, угрюмый человек». В значение каждого члена рассматриваемой группы **Б** входит семантический признак нереальности именуемого лица, который должен получить отражение в толкованиях слов в виде таких элементов, как: «сверхъестественное существо», «сказочный персонаж», «мифологический образ». Дальнейшее исследование слов класса **Б** связано с выявлением и расчленением в рамках каждой отдельной единицы конкретных семантических признаков, которые соответствуют комбинации элементов, положенных в основу конструируемых образов (например, образ русалки, представляющий комбинацию женщины и рыбы; образ кентавра, представляющий комбинацию человека и лошади; образы лешего, водяного, сочленяющие в себе признаки человека и специфической, «нечеловеческой» внешности и сферы обитания; образы бабы-яги, ведьмы, совмещающие признаки человека и не свойственных ему сверхъестественных способностей). Выявление таких признаков и их комбинаций позволит проследить последовательность их отражения в словарных толкованиях.

Дальнейшие классификационные шаги связаны с анализом слов класса **А**. В этом классе второй шаг классификации определяется характером взаимоотношения в рамках отдельного значения понятийного и предметного содержания. Группе наименований лица с широкой понятийной основой («обобщающе-квалифицирующие названия» I) противопоставляется группа слов, значения которых характеризуются более конкретной предметной направленностью («индивидуализирующие названия лица» II). В отличие от наименований группы II, в которых далее могут быть выделены более конкретные индивидуализирующие семантические признаки, вводящие слово в определенный тематический подкласс (например: **locksmith** – **слесарь** – **чилангар** – «род занятий», **freak fright**) – **урод** – **бадбашара**– «внешний физический признак»), значения слов, входящих в группу I, сводятся к максимально общим признакам, соотносящим их с любым лицом (например: **human** – **человек** – **инсон**, **face** – **лицо** – **юз**, **person**–**персона** – **шахс**). Классифицирующие возможности этих

признаков, отражающих самые общие свойства и качества, ограничены отнесением называемого к классу реальных лиц, а референт, стоящий за данным наименованием в виде конкретного лица с присущими ему характеризующими свойствами и качествами, определяется только в контексте высказывания. Поэтому слова группы I не образуют иерархически организованных классов и подклассов. Дальнейший их анализ связан с выделением - в зависимости от качества обобщенного признака - достаточно четко очерченных лексико-семантических групп. Выделяются четыре подгруппы. 1. «Общие названия лица», например: **individuality** – индивидуальность – ўзига хослик «отдельная личность, индивидуум», **face** – лицо – одам «человек как член общества»; **personality** – личность – шахс «человек как носитель каких-н. свойств, лицо», **человек** – инсон «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда». Эта немногочисленная подгруппа включает слова, выступающие как родовые по отношению к наименованиям, объединяемым в группе II, и по существу находящиеся с ними в отношениях семантической гипонимии. По своим лексическим характеристикам члены этих двух подгрупп близки: они обладают низким уровнем семантической индивидуализации; обобщающий характер значений этих слов определяет и их основное семантическое свойство: иррелевантность по отношению к признаку пола. 3. «Названия-обращения, упоминания»: **honey** – голубчик – жоним «ласковое обращение», **mister** – господин – жаноб «форма вежливого обращения или упоминания», **daughter** – девушка – қизим «обращение к молодой женщине», **deary** – дорогуша – азизим «дружеское фамильярное обращение». 4. «Названия-оценки»: а) собственно оценочные слова, такие, как **muddle** – head – бестолочь – овсар, **loath** – гадина – ифлос, **fool** – дурак – ахмок, **fine** – fellow – молодец – азамат («при выражении похвалы, одобрения в значении делающий все отлично, умелый, ловкий человек; разг.»); б) оценочно-характеризующие наименования, обладающие, помимо оценочности, еще и конкретным номинативным значением (по терминологии В. В. Виноградова, но с преобладанием элемента оценки над индивидуализирующим

признаком; например: **master – ac – ўта уста** «выдающийся по мастерству», **pen – pusher – bibliophile – борзописец – чобуккалам** «тот, кто пишет быстро, наспех и поверхностно».

Как уже сказано, обобщающе-квалифицирующие наименования не объединяются в иерархически организованные классы и подклассы, поэтому второй шаг классификации для них оказывается последним. Дальнейшее построение классификации наименований лица (третий-шаг) полностью относится к словам группы II. Характерной особенностью слов этой группы является то, что они в значительной своей части используются не столько для того, чтобы назвать лицо, сколько для того, чтобы представить некоторую информацию о нем: о его действиях, поступках, поведении, характеризующих свойствах, качествах ит. п.

Слова группы II («индивидуализирующие названия лица») по-разному соотносятся друг с другом в зависимости от того, какие индивидуализирующие признаки, отражающие свойства и качества именуемых лиц, могут быть выделены в их значениях. Сами эти признаки иерархически организованы. Например, в словах типа **bibliophile (book lover) – библиофил – китобсевар, prayer – богомол – диндор, властолюбец – power – hungry – мансабсевар** последовательно, путем постепенного сужения, могут быть выделены признаки: лицо, называемое по внутреннему состоянию –лицо, называемое по интеллектуально-эмоциональному свойству – лицо, называемое по склонности, пристрастию к каузирующему объекту. В словах типа **double –двойник –ўхшаш, countrymen – единоплеменник – қабилadoш, countryman – земляк – ватандош**, соответственно выделяются признаки: лицо, называемое по состоянию соотнесенности, связи с другим лицом или другими лицами – по сопоставлению с другим лицом или лицами – по сходству в чем-л. с другим лицом или лицами. В словах типа **wallet – бумажник –қоз санoати ходими, conductor – водник – сув траспорти ходими, skinner – кожевник –қўнчи** последовательно выделяются признаки: лицо, называемое по деятельности – по специализированной трудовой деятельности – по трудовой деятельности в определенной сфере промышленного

производства. Так отвлекаемые от значений признаки, представляя различные виды действий, состояний, связей, свойств, сами образуют иерархически организованные противопоставленные классы: активные признаки (деятельность, действие) противопоставляются пассивным признакам (разнообразные виды внешних и внутренних состояний, связей). Внутри этих групп соответственно выделяются более мелкие группировки. В наименованиях лица деятельность может быть представлена как специализированная и неспециализированная; специализированная деятельность выступает как деятельность трудовая (профессия, специальность, должность, род службы) и деятельность, не прикрепленная к трудовым сферам (религиозная, культовая, спорт). Пассивные признаки также организуются в зависимости от того, какие виды состояний, связей, свойств представлены в наименованиях: внешние по отношению к лицу (социальные состояния и связи, отнесенность к территории, учреждению, организации и т. д.) или внутренние (интеллектуально-эмоциональные, физические, физиологические).

Важно отметить, что в наименованиях лица могут быть одновременно представлены признаки одного уровня обобщения, относящиеся к противопоставленным группировкам; например, сочленяются активные и пассивные признаки. Поэтому при построении классификации соблюдается принцип, согласно которому наряду с выделением групп слов, противопоставляемых друг другу по наличию или отсутствию того или иного семантического признака, выделяются группировки, целиком противостоящие двум первым.

В соответствии с изложенными принципами, на третьем шагеклассификации в группе II выделяются подгруппы: 1) «названия лиц, не дифференцированные по признаку активности-пассивности»; 2) «названия лиц по активным действиям, деятельности, роду занятий»; 3) «названия лиц по состояниям, свойствам, связям (лицо как объект воздействия или как пассивный носитель состояний, свойств, отношений)».

В подгруппе 1 объединяются слова, в значениях которых сочленены признаки активные (действие, деятельность, род занятий, активная функция) и признаки, представляющие те или иные виды состояний, связей и отношений. Например, в словах типа **messenger – гонец – чопар** («в старину: человек, посланный куда-н. со срочным известием»), **courier – нарочный – хабарчи** («лицо, посланное со срочным поручением, гонец, курьер»), **envoy – посланец – вакил** («высок., лицо, посланное куда-н. с каким-н. поручением, заданием») и под. сочленены активная функция лица (выполнение поручения, задания) и пассивный признак (лицо как объект чье-л. волеизъявления). Сложность значений таких слов объединяет их в подгруппы, противопоставленные вместе подгруппам 2 и 3.

Последующие шаги классификации слов подгрупп 1,2 и 3 различны. В подгруппе 1 членение связано с выявлением характера сочлененных активных и пассивных признаков, в подгруппах 2 и 3-е дальнейшей последовательной конкретизацией (сужением) признаков.

Итак, на четвертом шаге классификации в подгруппе названий лиц, не дифференцированных по признаку активности/пассивности, выделяются: наименования лица по социальной деятельности (представительству), одновременно указывающие на связь с тем (лицом, группой лиц, учреждением), кого оно представляет и кто на него воздействует, например: делегат «выборный или назначенный представитель, уполномоченный государством, коллективом» (лицо, представляющее коллектив и одновременно этим коллективом делегированное): **conference delegate – делегат конференции – анжуман делегаты; deputy – депутат – депутат**, «выборный представитель, член выборного государственного учреждения»; **assessor – заседатель – маслахатчи** «выборный представитель населения, привлеченный к участию в делах какого-н. учреждения» [а]; наименования лица по социальной деятельности (исполнение поручения), одновременно представляющие его как объект воздействия со стороны другого лица (или лиц), например: **messenger – гонец – чопар, courier – courier – нарочный – хабарчи, envoy – посланец – вакил**, [б]; наименования лица по социальной деятельности (покровительство, опека), одновременно представляющие

лицо как объект воздействия со стороны другого лица (или лиц) и характеризующие его с точки зрения правовых норм, установок, например: **executor** – **душеприказчик** – **васий** «лицо, которому завещатель поручает приведение в исполнение завещания»; **guardian** – **опекун** – **васий** «лицо, которому поручена опека над кем-н.»; **trustee** – **попечитель** – **нозир** «официально назначенное лицо для попечения о ком-н.» [в]. Новые виды соотношений активных и пассивных признаков дают и новые группировки и продолжают внутреннее членение данного класса.

Сочлененные семантические признаки, на основании которых на четвертом шаге классификации в подгруппе 1 выделяются рассмотренные группировки, представляют собой семантические идентификаторы для членов этих группировок. Например, для слов группы [а] идентификатором будет: лицо + социальная деятельность (представительство) + связь с лицом, коллективом, который это лицо представляет + воздействие на него со стороны представляемого лица, коллектива (делегирование, избрание). Выделяемый семантический идентификатор предполагает следующую схему дефиниции идентифицируемых слов: «лицо, которое представляет кого-что-л., будучи с этой целью избрано, уполномочено, делегировано куда-л.». Таким образом, четвертый шаг классификации слов подгруппы 1 подводит к выделению групп слов, для которых оказывается возможным предложить общую схему дефиниции и проследить последовательность ее отражения в имеющихся словарных толкованиях.

Как было отмечено выше, дальнейшее членение подгруппы 2 - «названий лиц по активным действиям, деятельности, роду занятий» и 3 - «названий лиц по состояниям, свойствам, связям» определяется последовательным сужением и конкретизацией индивидуализирующих семантических признаков слова. В подгруппе 2 выделяются названия лиц: [а] по основной деятельности, по активной функции, роду занятий; [б] по неосновной деятельности, непостоянной функции; [в] по отдельным действиям, действию, по поведению; [г] названия, не дифференцированные по признаку основной деятельности/отдельным действиям. В подгруппе 3 выделяются названия лиц: [а] по отношению, отнесенности к

кому-чему-н., связям с кем-чем-л.; [б] по социальным состояниям, социальным признакам; [в] по внутренним (интеллектуально-эмоциональным, физическим, физиологическим) свойствам, состояниям и внешним физическим признакам. Последующие шаги классификации покажем на примере названий лица по отношению, отнесенности к кому-чему-л., связям с кем-чем-л.

В соответствии с тем, что является предметом соотношения, связи с именуемым лицом, на пятом шаге членения в группе слов 3 [а] выделяются названия лица: (1) по соотнесенности, связям с другим лицом или лицами; (2) по отнесенности к группе, совокупности лиц; (3) по отнесенности к общественным, научным, религиозным и др. течениям, направлениям, организациям; (4) по отнесенности к территории, местонахождению, местожительству. На последующих шагах классификации последовательно выделяются: среди (1) названий лица по соотнесенности, связям с другим лицом или лицами: (а) названия по отсутствию связи: **stranger – чужак – бегона, no one – никто – хеч ким**; (б) по отношениям родства, породнения, брачным отношениям, где в свою очередь могут быть вычленены: общие наименования **relative – родственник – қариндош, insman – родич – уруғ, relatives – родня – уруғ – аймоқлар** «то же, что родственник или родственница»; общие наименования, содержащие спецификацию по потомственной соотнесенности: **offspring – отпрыск – зурриёт, descendant – потомок – авлод, forefather – праотец – аждодлар, father – прародитель – аждодлар, primogenitor – пращур – қадим ўғил, ота-бобо, ancestor – предок – ота-бобо**; наименования по родству: **grandmother – бабушка – буви, dad – батя – ота, grandson – внук – набира (невара), grandfather – дед – бобо, daughter – дочь – қиз, a son – сын – ўғил, mother – мать – она, great-grandfather – прадед – қатта бобо, great-grandmother – прабабушка – қатта момо**, по породнению: **godfather – восприемник – чўқинтирган ота, godson – крестник – чўқинтирилган ўғил, goddaughter – крестница – чўқинтирилган қиз, godfather – кум – болани чўқинтирган киши, godfather – кума – болани чўқинтирган хотин**; по свойству: **brother-in-law – деверь – қайнаға, sister-in-law – золовка –**

кайнсингил (кайнэгачи), sister in law – невестка – келин (янга), mother in law – свекровь – қайната (эрнинг отаси), father in law – тесть – қайната (хотиннинг отаси), match maker – сват – эркак совчи, matchmaker – сваха – хотин совчи; по официальным брачным отношениям: wife – жена – хотин, husband – муж – эр, groom – жених – унашиб қўйилган йигит, bride – невеста – унашиб қўйилган киз; по неофициальным брачным отношениям: lover – любовник – ўйнаш эркак, mistress – любовница – уйнаш хотин, cohabitant – сожитель – уйнаш эркак, concubine – сожительница – ўйнаш хотин.

Следующий шаг связан с выделением внутри группировок класса (г) рядов слов, объединяемых сравнимым признаком: возраст, принадлежность к территории, организации, религии и т. д.

В названиях лица по отнесенности к группе, совокупности лиц (2) последовательно выделяются: (а) названия по отнесенности к расе, нации, народу, народонаселению с последующим вычленением по смешению рас: **metis – метис – дурагай** (оқ ва қора танли эр-хотиндан туғилган бола); по принадлежности к одной нации, народу, народонаселению: **russian – русские – руслар, uzbeks – узбеки – ўзбеклар, mongols – монголы – мўғиллар, tajiks – таджики – тожиклар**; (б) по отнесенности к официальным, административным, экономическим, социальным объединениям, разрядам – религиозным: **layman – мирянин – дунёвий киши, monk – монах – рохиб**; (в) по отнесенности к социальной среде, классу с последующим вычленением наименований по принадлежности к одной среде, классу: **aristocrat – аристократ – аслзода, nobleman – дворянин – зодагон.**

В названиях лица по отнесенности к общественным, научным, религиозным и др. направлениям, течениям, организациям далее вычленяются: (а) общие названия: **follower – последователь – издош** «человек, следующий какому-н. учению», **supporter – сторонник – тарафдор** «последователь каких-н. взглядов, какого-н. учения»; (б) названия по отнесенности к религиозным, культовым течениям, направлениям: **baptist – баптист – баптист, jew – иудей – яхудий, catholic – католик – католик**; (в) по отнесенности к общественно-политическим

группировкам, течениям, организациям: **democrat** –демократ – демократ, **conservative** – консерватор – эскилик тарафдори.

Классификация имен существительных со значением лица доводится, таким образом, до такой ступени членения, когда оказывается возможным выделить достаточно узкие и определенные группировки слов, связанных наибольшим числом общих семантических признаков. Возможно и дальнейшее членение материала, но результаты его не будут однозначны, так как каждая из группировок, выделяемых на последнем шаге классификации, имеет собственную внутреннюю организацию, отличную от других. В одних случаях могут быть выделены пересекающиеся группы слов, когда одни и те же слова включают признаки, вводящие их сразу в несколько групп (например, среди названий по родству могут быть выделены наименования, противопоставляемые по полу, и наименования, противопоставляемые по возрасту, причем наборы слов той и другой групп будут сходными).

Выводы по третьей главе

Наименования лица вычленяются из состава конкретной лексики на основании общего признака «название человека».

Лексический класс слов со значением лица достаточно широк и включает в себя группы слов, связанных различными видами семантических отношений. С одной стороны, это узкие группировки, члены которых могут быть противопоставлены друг другу по одному вполне конкретизированному семантическому признаку (например, наименования лиц по полу, возрасту: **мужчина - женщина, старик - юноша**). С другой стороны, это широкие группировки, члены которых не имеют такой семантической противопоставленности (например, наименования лиц по социальному состоянию: **bankrupt – банкрот – инкироз**. Тем не менее, и такие широкие объединения слов «не осуществляются вне тех рамок, которые устанавливаются языком, а соответственно в той или иной мере определяются общим характером семантических отношений, свойственных данному конкретному языку». Поэтому изучение существительных со значением лица не может быть ограничено только анализом отношений, возникающих в группировках первого типа. При построении классификации следует исходить из учета всех существующих в лексическом классе семантических отношений между его членами.

В наименованиях лица деятельность может быть представлена как специализированная и неспециализированная; специализированная деятельность выступает как деятельность трудовая (профессия, специальность, должность, род службы) и деятельность, не прикрепленная к трудовым сферам (религиозная, культовая, спорт). Пассивные признаки также организуются в зависимости от того, какие виды состояний, связей, свойств представлены в наименованиях: внешние по отношению к лицу (социальные состояния и связи, отнесенность к территории, учреждению, организации и т. д.) или внутренние (интеллектуально-эмоциональные, физические, физиологические).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общность отдельных пластов лексики английского, русского и узбекского языков восходит к глубокой древности и сохранилась до наших дней

Наличие или отсутствие в составе ряда английского, русского и узбекского языков семантической доминанты, представленной самостоятельной лексемой, и, следовательно, наличие или отсутствие родовидовых отношений внутри этого ряда: как названия лиц по религиозной, культовой сфере деятельности; названия лиц по состоянию нездоровья; названия лиц по отнесенности к социальным объединениям, разрядам. Противостоят ряды, в которых такая доминанта отсутствует, например, названия лиц по умонастроению, по мировосприятию; названия лиц по национальности, расовой принадлежности, а также ряды, конструирующие множества по общему физическому состоянию, по внешним физическим признакам, по ситуативным состояниям.

Вхождение или невхождение в состав ряда английского, русского и узбекского языков такого фрагмента, в котором объединяются слова-синонимы - имен лиц по половозрастному признаку, по прямому родству, по брачным отношениям, включающим в свой состав синонимические группы, противоплагаются такие ряды, как названия лиц по дворянским титулам, по воинским званиям и др., в состав которых слова-синонимы не входят.

Осложненность или неосложненность ряда английского, русского и узбекского языков дополнительными семантическими характеристиками: ряд может включать в свой состав единицы, которые наряду с общими для всего ряда семами имеют еще и дополнительно характеризующие компоненты - названия лиц по отнесенности к социальной среде, классу, названия по семейному состоянию, названия по возрастному признаку, названия по неотчуждаемым физическим признакам.

Для одних лексических рядов английского, русского и узбекского языков признак пола является релевантным или частично релевантным – количество таких рядов невелико; это названия лиц по родству, по семейному положению.

Лексическим рядам английского, русского и узбекского языков, включающим стилистически разнородные имена, противостоят ряды, конструируемые стилистически однородными единицами - с одной стороны, названия лиц по пассивному состоянию, обусловленному воздействием со стороны другого лица, названия лиц по чертам характера, по семейному положению, ряды оценочно-квалифицирующих; названий, с другой - названия по национальности, по расовой принадлежности, по воинским чинам, названия владельцев предприятий.

Наличие или отсутствие у слов данного ряда межрядных или межклассных связей: ряды, отдельными своими единицами имеющие выходы в другие ряды класса или же в другие классы - ряды, конструирующие группу названий-оценок; противопоставляются рядам, не имеющим таких выходов - имена лиц по светским и религиозным титулованиям; имена лиц, страдающих болезненными пристрастиями; имена лиц, страдающих половыми извращениями.

Закрытость или открытость ряда для новообразований: рядам слов, открытым для пополнения, таким, например, как конечные ряды имен с оценочным значением (регулярно принимающие пополнения за счет метафорических переносных употреблений), ряды названий лиц по спортивным специальностям, противостоят ряды слов, обращенные к исторически сформировавшимся системам понятий и потому закрытые для неологизмов (названия лиц по родству, по свойству, по дворянским титулам, по национальности). В английском, русском и узбекском языках многочисленны ряды, такие, как названия специалистов, связанных с сельскохозяйственным производством, названия лиц по состоянию нездоровья, названия лиц по национальности, противостоят такие узкие ряды, как общие названия лиц по постоянной деятельности, названия лиц по испытываемому интеллектуально-эмоциональному состоянию, названия лиц по расовой принадлежности или названия лиц с оценочным значением сочувствия, сожаления.

Термины кровного родства английского русского и узбекского языков делятся на две группы термины родства вертикальной линии и

термины родства горизонтальной линии. Значение родства можно рассматривать как самостоятельный компонент отдельных функционально-семантических микросистем

Различие особого характера между английским, русским и узбекским языками наблюдается при обращении, где в функции слова-обращения употребляются отдельные термины родства

Для английской, русской и узбекской систем названий лиц характерно, прежде всего, то, что в них явственно сохранились черты классификационной системы. Ряд терминов применяется к целому классу лиц, по отношению к которым в нашей системе допускаются только термины индивидуальные или описательные.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. – Ташкент: Узбекистан, 2000. – 265 с.
2. Абрамзон С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // Тюркология. К 70-летию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 204-207.
3. Азизов О. Тилларни киёсий ўрганиш масаласига доир // Туркий тилларнинг тарақиёти муаммолари. – Тошкент: Фан, 1995. – С. 20-21. Англо-русский словарь. – М: Изд-во «Русский язык», 1976. - С. 127-134.
4. Апресян Ю.Д. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола) // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1962.
5. Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII-XV вв. // Советская тюркология. – Баку, 1973.– № 3. – С. 28-37.
6. Арутюнова Н.Д. Положение имен лиц в русском синтаксисе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.: Наука, 1975. – Т. 34. № 4. - С. 73-86.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Наука, 1976. – 264 с.
8. Блумфильд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
9. Болотов В. И. Теория имен собственных. – Ташкент: НУУз, 2003. – 98.
10. Бредихина Т.В. Наименования лиц в русском языке XVIII века. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук.- Воронеж, 1990.- 24 с.
11. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий с включением употребительных слов арабских и кыргызских с переводом на русский язык. – М., 1960. – Т. 1-2.

12. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1977. – 368 с.
13. Лейчик В.М. Терминология // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
14. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
15. Григорян А.Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1983. – № 4. – С. 57-63.
16. Гухман М.М. Доиндоевропейский термины родства в германских языках // Памяти академика И.Я. Марра. – М.- Л., 1978. – С. 93-115.
17. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 289 с.
18. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. -М.: Наука, 1980. – 238 с.
19. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в современном обществе. – М.: Наука, 1966. – 402 с.
20. Джафаров Г.Г. Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка // Советская тюркология. – Баку, 1974. – №5. – С. 19-31.
21. Исмоилов И.И. Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тошкент, 1965. – 19 с.
22. Исмоилов И.И. Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари. – Тошкент: Фан, 1966. – 186 б.
23. Исмоилов И.И. Ўзбек тилида қавм-қариндошлик терминларига доир баъзи мулоҳазалар // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1964. – № 4. – С. 40-43.
24. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М., 1960. – 446 с.

25. Кононов А.Н. К этимологии слова огул "сын" // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Владимирцова Б.Я.– М., 1958. – С. 43-45.
26. Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков // В кн. Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. – М.: Наука, 1971. – С. 269-277.
27. Кузьмин Н.П. Нормативная и ненормативная специальная лексика // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1976. – С. 68-81.
28. Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979. – С. 82-96.
29. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
30. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (Термины родства в русском языке). // Филологические науки. – М.: Наука, 1964. – № 2. – С. 41-48.
31. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – С. 261-262.
- 32.. Максимов Г.В. Основные проблемы изучения лексико-семантических групп (на материале существительных современного английского языка // Сб. науч. Трудов МГПИИЯ им. М.Горького. – М.: МГПИИЯ, 1972. – Вып. 70. – С. 112-123.
33. Маметов А. О терминах родства в крымскотатарском языке // Советская тюркология. – Баку.1980. – № 6. – С. 70-76.
34. Маниязова Р.А. Семантические соотношения наименований родства, должностей и качества при таджикско-русских языковых контактах. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2000. – 19 с.
35. Моисеев А.И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке: Автореф. дис ... док. филол. наук. – Л., 1968. – 43 с.

36. Моисеев А.П. Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка // Современность и словари. – Л.: Наука, 1978. – С. 149-158.
37. Моисеев А.И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. – М., 1962. – Вып. V. – С. 38-46.
38. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1975. – 264 с.
39. Мусаев К.М. Основные проблемы изучения лексики языков // Советская тюркология. – Баку, 1978. – № 3. – С. 33-41.
40. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М: Русский язык. Медия, 2005.
41. Негматов Х., Расулов Р. Ўзбек тили систем лексикологияси асослари. – Тошкент: Ўқитувчи, 1995. – 128 с.
42. Никитин М.В. Лексическое значение слова. – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
43. Оксфордский русско-английский словарь // Составитель Маркус У. – М.: Локид, 2000.
44. Покровская А.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 11-81.
45. Потапов Л.П. Материалы по семантико-родственному строю у узбеков кунград // Научная мысль. – Ташкент, 1930. – № 1. – С. 53-58.
46. Потенция А. А Из записок по русской грамматике. – М.-Л., 1941. – Т. IV. – 236 с.
47. Пуятин Г. А. О принципах организации групп слов в лексической системе (на материале имен существительных, называющих человек по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1975. – 17 с.

48. Русско-английский словарь // Составители: О.С. Ахманова и Е.А. Уильсон. – М.: Русский язык, 1990.
49. Савельева Н.П. Обобщенные наименования лиц в сфере изобразительного искусства // Учен. зап. МГПИ. – М.: МГПИ, 1971. – № 423 а. – С. 127-134.
50. Саидова М.Ш. Наманган шеваларидаги кариндошлик терминларининг лексик-семантик таҳлили: Автореф. дис. ...канд.наук. – Тошкент, 1995. – 21 с.
51. Саидова М.Ш. Сингил терминининг генезиси хақида // Республика ёш тилшуносларининг анъанавий илмий конференцияси материаллари. – Тошкент, 1993. – Б. 61-63.
52. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – С. 57-206.
53. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". – М.: Наука, 1978. – С. 1248.
54. Уфимцева А.А. Лексикология // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: Наука, 1968. – С. 232-257.
55. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1978. – С 61-74.
56. Хасанов Б. Обращение как объект изучения социолингвистики // В кн. Тюркское языкознание. – Ташкент: Фан, 1985. – С. 213-214.
57. Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и в словаре. – М.: Наука, 1984. – 154-162.
58. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
59. Русча-ўзбекча луғат. –Тошкент, 1983. – Ж. 1-2.

60. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2006. – Ж. 1-5.
61. Applbaum R. Speech Communication. – New York, 1975. – P. 66-73.
62. Hewings M. Advanced grammar in use. – London: Cambridge University Press, 2003. – 340 p.
64. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. – Wiesbaden, 1960. –187 p.
65. Webster's third new international dictionary the English language. – Springfield, 1967.
66. Cambridge International dictionary of English. Cambridge University Press, 1995. .
67. Collins Thesaurus. Edited by D. Adams, L. Gilmour. 1998.
68. English Russian Russian-English Dictionary. – M., 1999.
69. English Russian Dictionary. – M: Russian language Publishers, 1976.
70. English Russian Dictionary. – M: Russky Yazyk, Media, 1990.
71. Modern English Russian Dictionary. – M: Russky Yazyk, Media, 2005.
72. Oxford word - power dictionary for learners of English. – Oxford, 2000.
73. Webster's New College Dictionary. Houghton Mifflin company. – New York. Copyright, 1995.

Интернет-ресурсы

www.gramota.net/materials/2/2010/3/32.html

www.lib.csu.ru/vch/225/007.pdf

www.univer5.ru/yazyikoznanie/aktualnyie-voprosyi-teorii-i.../

www.science-education.ru/ru/article/view?id=4487

e.lanbook.com/journal/issue.php?p_f_journal=2451&p_f_year=2011...

<https://www.hse.ru/org/persons/23401713>

